Екатерина А. Ходжаева
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Стигма «карманный адвокат» в дискурсивной борьбе представителей юридической профессии в России

Статья представляет анализ стигмы «карманный адвокат», означающей в профессиональной юридической среде зависимую и угодническую по отношению к суду и стороне обвинения позицию защитника в уголовном деле. Методологически исследование базируется на теории стигмы И. Гоффмана и конструктивистской традиции анализа социальных проблем. Эмпирическими материалами являются тексты выступлений представителей адвокатского сообщества, а также интервью с практикующими адвокатами, собранными Институтом проблем правоприменения ЕУ СПб. Статья показывает, что названная стигма имеет значение для внутрикорпоративного властного дискурса, так как она «работает» на символическое разделение сообщества на «профессионалов» и «непрофессионалов», позволяет выстраивать дискурсивные границы внутри сообщества по совершенно различным основаниям. Стигма, которая формально является индивидуальной, приобретает черты групповой. При этом не все варианты стигмы проблематизируются в профессиональном поле. Напротив, в качестве проблемы чаще всего воспринимается одна из версий стигмы, подчеркивающей, что карманный адвокат — этот тот, кто работает по назначению. В профессиональном сообществе развиваются и конкурируют различные варианты решения этой проблемы, большинство которых работает на усиление иерархии и укрепление властных отношений внутри сообщества.

Ключевые слова: стигма, стигматизация, юридическая профессия, адвокатское сообщество России, дискурсивная борьба.

Ходжаева Екатерина Анисовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, социология юридической профессии, социология полиции. E-mail: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
Ekaterina A. Khodzhaeva — Candidate of Sciences in Sociology, Researcher, Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg. Research interests: Sociology of Law, Sociology of Legal Profession, Sociology of Police. Email: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
Статья подготовлена в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России», при поддержке РНФ (код 14-18-02219).

Ekaterina Khodzhaeva, European University at Saint-Petersburg, Russia
Stigma of the «Puppet Advocate» in Discursive Struggle between Legal Professionals in Russia

The paper presents the analysis of «puppet advocate» stigma (literally «in-pocket advocate») that means in professional milieus the criminal defender's position dependent and obsequious to the judge and accusatorial party. Methodologically the research is based on E. Goffman's conception of stigma and constructivists tradition in social problem theory. Russian Bar members' publications, interviews with lawyers collected by the Institute for the Rule of Law EU SPb are used as empirical data. The paper shows this stigma has its significance for power discourse because it divides symbolically the legal community into «professionals» and «non-professionals» and gives a possibility to construct internal borders in the legal field by different ways. Individual stigma is transformed through discourse into group one. Not all versions of «puppet advocate's» stigma are problematizing in professional milieu. Typically as a problem only one version of the stigma becomes most popular — puppet advocate as a public defender. In professional community different ways of this problem resolution are developing and competing. The majority of them supports power relationships and strengthen internal hierarchy within the community.

Keywords: stigma, stigmatization, legal profession, Russian Bar Association, discoursive struggle.

Введение

Понятия «стигма» и «стигматизация» обычно используются в социологическом и в социогуманитарном знании в контексте анализа структурной дискриминации и символического доминирования. В социальной психологии понятие «стигма» предполагает описание повседневных ситуаций взаимодействия с людьми, в чем-то инаковых настолько, что это влияет на процесс социальной коммуникации. Внимание здесь сосредотачивается на процессах как восприятия стигмы, так и самостигматизации. Социологическая интерпретация стигмы предполагает исследование социального конструирования «нормальности» и нормативно приписываемого поведения, а также роли стигмы в структурной дискриминации тех или иных групп посредством прежде всего институтов. Важно также, что практически все исследования стигмы — это чаще всего социологическая реконструкция в пользу подавляемых, ущемляемых, исключаемых групп — ментально-нездоровых, физически увечных или же носителей групповых стигм — расовых, этнических, гендерных и проч.

Однако это же понятие можно применить и к более узким контекстам, например, профессиональным или внутриколлегиальным,

когда небольшое сообщество на основе разделяемых представлений о том, что хорошо или плохо, или должно и не должно делать, тому, кто к сообществу принадлежит, также использует стигматизацию тех или иных его членов на основании общего ценностно-нормативного идеала. В таких условиях стигма работает как маркер границ сообщества, исключая из него недостаточно «порядочных» и «морально неустойчивых» членов.

Здесь стигма — также инструмент воспроизводства иерархии и социального контроля. Негативная стигма в отношении тех или иных профессионалов имеет все шансы быть объявленной проблемой и становится причиной формирования внутри сообщества риторики требовательного характера по исключению носителей стигмы из сообщества и /или по устранению причин, влияющих на появление в нем «недопрофессионалов». Таким образом, стигма трансформируется в «проблему», под которой мы понимаем *деятельность тех или иных представителей сообщества по продвижению негативного представления о носителях стигмы как о проблемных его членах и по утверждению тех или иных решений, направленных на снижение вероятности стигматизируемого поведения*.

В данной статье я попытаюсь показать на конкретном эмпирическом примере адвокатского сообщества России, как конструируется стигма «карманный адвокат» в небольшом и узком типе сообщества и особенности ее трансформации в проблему.

Уголовный процесс в России предполагает властную асимметрию между сторонами защиты и обвинения как при формировании уголовного дела (на следствии), так и на этапе судебного разбирательства. Обвинительный уклон[1], появляющийся в результате этой асимметрии, ставит адвоката в слабую позицию по сравнению с другими юристами, участвующими в расследовании уголовного дела — следователем/дознавателем, прокурором и судьей. Неравенство позиций сторон обвинения и защиты проявляется как на уровне прописанных законом процедур, так и на уровне практик несоблюдения властными игроками даже тех прав, которые предоставлены законом стороне защиты, так и на уровне повседневной рутины, где контроль и власть над расследованием принадлежит суду и следователю [Ходжаева, Шестернина, 2015]. В результате адво-

1 Под обвинительным уклоном уголовного процесса в России понимается нацеленность органов предварительного расследования и суда на приоритет обвинительных исходов уголовных дел. Вероятность быть оправданным в делах публичного обвинения (то есть с участием прокурора) в нашей стране составляет 0,3%. Исследователи отмечают, что причиной обвинительного уклона является связанность стимулов и показателей оценки правоохранительной и судебной систем [Бочаров, Волков, Дмитриева и др., 2016, с. 34-43].

кат оказывается в слабой институциональной позиции и выстраивает линию защиты доверителя обычно кооперативно, учитывая ведомственные интересы сторон, осуществляющих предварительное и судебное следствие. Такая роль адвоката в уголовном процессе была охарактеризована Р. Апхофом [Uphoff, 1992] как «ограниченный посредник» (beleaguered dealers). Адвокат в этой роли, даже если и готов действовать в интересах своего клиента, вынужден учитывать ограничения, накладываемые ведомственными интересами других участников. Однако существуют и более критические трактовки реальной роли адвоката в уголовном деле. Так, наиболее известна позиция А. Блумберга [Blumberg, 1967], назвавшего адвоката в уголовном деле «двойным агентом», действующим в интересах суда больше, чем в интересах подзащитного. Схожая критика была изложена в книге Дж. Эйзенштейна и Г. Джекоба [Eisenstein, Jacob, 1977; Моисеева, 2015], в которой адвокат представлен как участник рабочей группы судебного заседания, основная задача которого «согласовать» интересы подзащитного с интересами судьи, прокурора, работников суда. При этом на активность адвоката в деле влияет не только и не столько нормативная задача защищать интересы клиента, сколько его позиция в конкретной рабочей группе (зала судебного заседания) и цели обеспечивающей организации — адвокатской ассоциации.

Подобные кооперативные отношения адвокатов со стороной обвинения и судьями получили в российском юридическом дискурсе название «карманный адвокат». Это выражение подчеркивает зависимый и несвободный статус адвоката. Также часто используются и другие слова для номинирования подробной неавтономной позиции: «адвокаты-дублеры»[1], «коридорные»[2], «зашкафные»[3] (см. также разделение адвокатов на «судейских» и «следовательских» [Моисеева, 2014, с. 93-96]). При этом все эти названия фиксируют не только определенный тип институциональной зависимости адвоката в условиях обвинительного уклона. Напротив, они имеют явного адресата — носителя нежелательной практики, которая противоречит приписываемым корпоративной этикой идеалам служения

1 Так называют назначаемых судьей или следователем адвокатов часто в обход уже имеющегося адвоката, которого подсудимый или подследственный нанял самостоятельно.

2 Так номинируют тех адвокатов, которые проводят рабочий день в коридорах суда, в ожидании, что судьи пригласят их в дело.

3 Буквально означает «сидящие за шкафом» в кабинете следователя и появляющиеся по его рекомендации сразу после вынесения постановления о том, что человек является подозреваемым, или в уголовном деле.

и квалифицированной помощи, оказываемой доверителю [Кодекс профессиональной этики адвоката, ст. 8, 9].

Данная статья не предполагает рассмотрение конкретных практик работы адвокатов, поскольку я не ставлю себе задачи выявить, кого и при каких условиях можно считать карманными. Более того, подобная постановка задачи представляется мне неверной при социологическом исследовании институциональной зависимости адвоката. Использование категории «карманный адвокат» в качестве аналитической основы далеко не невинно. Заимствуя этот ярлык из «повседневного языка» и публичного дискурса практикующих юристов, социолог не только усиливает принятую в сообществе стигматизацию тех или иных групп адвокатов, но также предполагает их персональную ответственность за зависимое и кооперативное поведение, исключая из анализа институциональные условия, обуславливающие такое поведение. В связи с этим необходимо критическое прочтение «работы» этой категории как средства, устанавливающего границы сообщества и маркирующего негативно тех или иных его членов. Важно показать роль этой категории в переносе негативного имиджа адвокатуры на отдельных членов сообщества и в сокрытии организационных стимулов формирования ниши адвокатов, угодных и удобных стороне обвинения. Именно это и есть цель данной статьи. После теоретического и методологического введения я покажу, что название «карманный адвокат» имеет характер социального ярлыка, наклеиваемого на тех или иных представителей корпорации, а иногда и на все сообщество. При этом не всякие кооперативные, в том числе и обусловленные институциональной зависимостью отношения между адвокатом и судом или адвокатской корпорацией в целом и другими юридическими группами, воспринимаются в терминах «карманности». То есть прямая связь между кооперативным типом поведения и стигматизацией отсутствует. Далее я покажу специфику конструирования стигмы «карманный адвокат» в профессиональном адвокатском дискурсе и ее трансформацию из индивидуальной в групповую. И в заключительной части статьи я рассмотрю, каким образом стигма упрощается дискурсивно в проблему «карманного адвоката» и как конструирование проблемы «работает» на внутриколлегиальное распределение символической власти и укрепление профессиональной иерархии в адвокатском сообществе.

Стигма и проблема, сконструированная на ее основе

Анализ названного эмпирического кейса будет основан на сочетании двух социологических подходов: теории стигмы, разработан-

ной в рамках символического интеракционизма, и конструктивистской теории социальных проблем[1]. Эти подходы, связанные друг с другом и исторически, и методологически, вполне непротиворечиво относительно друг друга описывают социальную реальность. Для интеракционистского подхода в самом его общем методологическом видении характерно понимание природы социального как укорененного в повседневном взаимодействии людей, которое в свою очередь обусловлено и предопределяется представлениями, верованиями, категоризациями людей самих себя, других участников и в целом ситуации. Конструктивизм трактует мир социального как пространство индивидуальных и разделяемых с другими представлений, а также действий людей в соответствии с ними: социальная реальность здесь лишь воспринимается как объективно данная, но она есть результат интерпретаций, усвоенных в предшествующем опыте объективации.

Трактуя категорию «карманный адвокат» как коллективное разделенное негативное представление о некоторых членах адвокатского сообщества, я обращаюсь к категории «стигма» в понимании И. Гоффмана. Он определяет стигму как специфический элемент социальной идентичности (атрибут), маркируемый как несоответствующий символической норме, «глубоко дискредитирующий» личность, когда она не воспринимается во всей полноте и сложности, а сводится к уязвляющему и снижающему значимость человека маркеру [Goffman, 1963, p. 3].

При этом для Гоффмана очевидны условность и относительность как самой нормы, так и стигмы, их зависимость от социальных условий и групповых представлений. Он иронически пишет о стигме с позиции «нас, нормальных», которые, когда стигматизируют кого-то, отказывают этой личности в статусе равного. Важным элементом стигмы является атрибут, определенное свойство, которое воспринимается как отклоняющееся от нормы — это может быть физическое увечье, цвет кожи или приписываемое моральное качество. Гоффман выделяет три типа стигмы: 1) физическая, связанная прежде всего с телесными, чаще всего видимыми, изъянами; 2) изъяны индивидуального характера, например, психологические и другие болезни, неочевидные сразу, социальное отклонение от приемлемого поведения; 3) групповая и, как пишет автор, племенная стигма, которой обладают все члены группы вне зависимости от их индивидуальных характеристик.

1 Автор выражает благодарность доктору социологических наук И.Г. Ясавееву за помощь в работе над теоретическим подходом.

В целом определение Гоффманом стигмы недостаточно точно: для него важно лишь то, что стигма как атрибут идентичности связана со стереотипом (или виртуальной социальной идентичностью), понимаемым как набор характеристик индивида, которыми мы его наделяем до опыта общения или после него уже ретроспективно. Это отличает виртуальную идентичность от актуальной идентичности, обозначающей набор характеристик, которыми человек располагает в реальности [Goffman, 1963, p. 2]. Последователи Гоффмана попытались концептуализировать соотношение понятий «стереотип» и «стигма», определив последнюю как маркер или атрибут, который связывает личность с нежелательной характеристикой (стереотипом) [Jones, Farina, Hastorf et al., 1984]. Другие исследователи добавляли в качестве необходимых элементов стигмы символическое разделение «мы» и «они» групп и реализацию в отношении стигматизуемых людей дискриминирующих практик как на индивидуальном уровне, так и встроенных в институты, ведущие к структурной дискриминации [Link, Phelan, 2001]. При этом отмечалось, что возможно стоит разграничивать собственно «стигму» (под которой предлагалось понимать лишь первые два типа по Гоффману, касающиеся физических или моральных изъянов) от предубеждения (prejudice) против группы как коллективной общности (групповая или племенная стигма) [Phelan, Link, Dovido, 2008]. Однако, как показывают те же авторы, такое различение имеет лишь условный характер: между стигмой и предубеждением много общего. В частности, и то, и другое явление обнаруживают одинаковые социальные функции:

- эксплуатация и доминирование;
- усиление социальных норм;
- предотвращение болезней и пороков [Phelan, Link, Dovido, 2008].

Последняя функция, доказываемая также через эволюционистскую теорию [Kurzban, Leary, 2001], представляет для меня значительно меньший интерес, чем первые две. Для социологического анализа стигмы чрезвычайно важно, что она вносит вклад в установление и воспроизводство властных отношений. При таком понимании стигма используется доминирующими и более статусными группами для установления своей власти в процессе производства морального порядка для подавления или исключения тех, кто не проявляет склонности или способности соответствовать норме. Этот феномен нагляднее всего разобран на примерах работы расовых или гендерных стигм и предубеждений [Barnett, Maticka-Tyndale, Trócaire Kenya, 2016], а также формирования стигм в отношении болезней и их носителей [Opala, Boillot, 1996; Parker, Aggleton, 2003].

Одновременно для анализа стигмы «карманный адвокат» чрезвычайно важно учитывать вторую функцию процесса стигматизации — укрепление социальных норм и морального порядка. Функционирование стигмы, полностью связанной с нарушениями принятого и прописанного в социальной общности этического кодекса, предполагает высокую роль этических основ стигматизации. Носители такого рода стигмы воспринимаются как девианты, к которым необходимо применить санкции или даже исключить из сообщества, и стигма легитимирует и то, и другое.

Как уже было отмечено, понятие «стигма» широко используется в исследованиях с самых разных дисциплинарных и теоретических перспектив [Link, Phelan, 2001; Phelean, Link, Dovido, 2008]. Социологи, социальные психологи, антропологи, политологи рассматривали стигму:

- как индивидуальное явление: соотнесения себя и других с социальными группами и стигматизацию как элемент формирования социальной идентичности (см. обзор исследований о связи стигмы и самооценки [Crocker, Major, 1989]);
- как механизм, обеспечивающий повседневные взаимодействия с проявлениями «инаковости» разного рода [Goffman, 1963; Jones et al., 1984];
- как фактор структурной дискриминации на социетальном уровне и даже элемент политической доктрины [Parker, Aggleton, 2003; Morone, 1997];
- как элемент социальной эволюции, позволяющей людям адаптироваться к изменяющимся условиям [Kurzban, Leary, 2001] и т. д.

В связи с широким многообразием подходов полезно определиться, к какому уровню анализа стигмы будет апеллировать данная статья. Вслед за Дж. Прайером и Г. Ридером ([Pryor, Reeder, 2011]; см. также подробное описание этой модели [Bos, Pryor, Reeder, Stutterheim, 2013]) сегодня выделяют четыре версии стигмы в зависимости от уровня анализа явления (рис. 1).

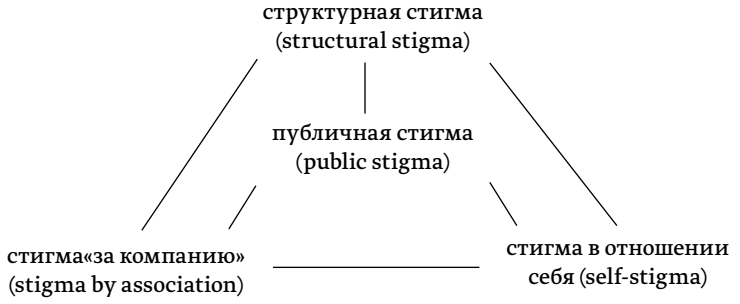

Рис. 1. Четыре типа стигмы [Bos, Pryor, Reeder, Stutterheim, 2013, p. 2].

Публичная стигма — это разделяемые в обществе негативные представления о каком-то качестве человека или группе. Это центральная тема для исследования стигматизации, формирования и трансляции в обществе негативных представлений. Термин *«Я-стигма»* обозначает собственные представления стигматизируемого о самом себе в контексте наложения на него ярлыка, как со стороны близкого окружения, так и в целом в результате системной или институциональной дискриминации. Исследования Я-стигмы сосредоточены как на психологических процессах наложения на самого себя человеком навязываемых извне негативных представлений, так и на их преодолении или сокрытии. *Стигма «за компанию»* — это негативные представления, накладываемые не только на самого стигматизируемого индивида, но и на его ближайшее окружение — семью, друзей, социальных работников. Исследования этого вида стигмы подчеркивают, что стигматизация — сложный процесс, затрагивающий достаточно широкий круг людей, которые сами не являются носителями негативного атрибута, например, партнеры больных СПИДом. И наконец, *структурная стигма* — это специфические условия, характерные для общественных отношений в целом или для различных институтов (например, расовый профайлинг в полиции), которые маркируют неравенство, обеспечивают социальную дискриминацию в интересах одних групп в ущерб другим. Подобные исследования показывают исторические и культурные корни установления соответствующих стигм [Morone, 1997].

Факторы усиления публичной стигмы (а именно к такому типу я отношу мой эмпирический пример) могут быть различны. Это может быть стремление установить контроль над носителями стигмы или повышение уровня воспринимаемой серьезности, или даже опасности негативных проявлений. И наконец, это может быть интенсивность негативного восприятия нарушений норм и девиантности [Bos, Pryor, Reeder, Stutterheim, 2013, p. 2-3]. Публичная стигма всегда имеет тенденцию «перерасти» в социальную проблему, поскольку содержит в себе условия, которые необходимо изменить и преодолеть. Гоффман и его последователи трактуют стигму как контекстуально (исторически и культурно) укорененное явление: в разных социальных контекстах или временных периодах одно и то же явление может как производить, так и не производить стигму. Более того, само наличие публичной стигмы не всегда предполагает формирование публичного дискурса, направленного на необходимость ее преодолеть, хотя публичная стигма имеет больше шансов трансформироваться в социальную проблему, нежели более нейтральные явления.

Такое понимание требует привлечь основные положения конструктивистского подхода к социальным проблемам, что позволит сфокусироваться на процессе конструирования риторики, требующей искоренить условия, которые приводят к порокам и несовершенствам. Так, стигма может порождать (и эмпирический кейс, который описывается в статье, это хорошо покажет) соответствующее ей определение «проблемы», которое сообщество постулирует как важное и требующее незамедлительного решения.

Предлагаемый подход понимает под *социальной проблемой* не конкретные социальные условия (например, алкоголизм, эпидемия ВИЧ или в нашем случае излишняя кооперативность адвокатов со стороной обвинения в уголовном деле), а *деятельность отдельных заинтересованных социальных акторов или социальных групп, направленную на определение конкретной ситуации как проблемной и угрожающей*[1]. Такой взгляд на социальные проблемы не отвергает наличия тех или иных негативных сторон жизни, но позволяет ответить на вопросы, почему «повестка» социальных проблем различается во времени и в схожих обществах [Fuller, Myers, 1941; Blumer, 1971; Spector, Kitsuse, 1977; Ясавеев, 2004] (см. на русском также сборник [Социальные проблемы: конструкционистское прочтение, 2007]).

Происходя из символического интеракционизма, феноменологии и этнометодологии, этот подход фокусируется на субъективных основаниях социальных проблем. Оставляя за скобками внимания само наличие объективных условий, его авторы пытаются показать то, что люди в конкретный исторический период и в конкретных условиях считают проблемой, напрямую зависит от деятельности акторов, заинтересованных в продвижении этой проблемы. Уже за первое десятилетие своего существования этот подход насчитывал в достаточной мере разработанные направления эмпирических исследований:

- конкретных практик конструирования проблем;
- языковых и риторических особенностей проблематизации и описания «моральных» словарей для некоторых из проблем;
- роли профессиональных (юридического, медицинского, полицейского и проч.) сообществ в проблематизации тех или иных социальных отклонений;
- активности государственных организаций, призванных решать различные социальные проблемы;
- и, конечно, роль медиа и других «публичных арен»[2] в продвижении тех или иных социальных проблем, важных для общества (см. подобный обзор [Schneider, 1985]).

1 См.. например, наиболее цитируемое определение социальной проблемы, данное одними из основателей подхода М. Спектором и Дж. Китсьюзом.

2 Термин Хилгартнера и Боска [Hilgartner, Bosk, 1988].

Этот подход переживал также бурные теоретические дебаты о том, какова должна быть степень внимания исследователей к объективным условиям при изучении субъективных интерпретаций антрепренеров проблемы, и о роли исследователей, которые часто оказываются несвободными от собственного видения и так или иначе симпатизируют тем или иным версиям социальных проблем или методам активистов [Ibarra, Adorjan, 2016].

В данной статье я буду отталкиваться от наиболее общей схемы анализа социальной проблемы в рамках предложенной Дж. Бестом систематизации всех наработок этого подхода [Best, 2015]. Первым и самым значимым элементом является собственно определение тех или иных «предполагаемых условий» [Spector, Kitsuse, 1977] или «условий-категорий» [Ibara, Kitsuse, 2003] как проблемных.

Второе: любая социальная проблема, понятая как деятельность по продвижению риторики требовательного характера, предполагает фреймирование, то есть выдвижение частных аргументов в пользу того или иного понимания проблемы. Одна и та же проблема может быть фреймирована различными способами, и напротив, один и тот же фрейм может быть применен для разных проблем.

Третье: проблема неотделима от деятельности тех, кто ее формулирует и продвигает (claim-makers), — это определенные люди или группы, которые могут представлять собой как «жертв» проблемной ситуации, так и профессиональные, религиозные, политические и прочие сообщества.

Четвертое: место, конкретные географические границы развертывания социальной проблемы.

Пятое: время; проблемы имеют свою «историю» или карьеру, они появляются, затихают, возвращаются на публичные арены, и важно проследить контексты и условия, обуславливающие развитие проблем во времени.

В данной статье я постаралась показать, как публичная стигма трансформируется в проблему и логику этой трансформации. При этом важно понять, как совместить эти подходы к исследованию стигмы или социальных проблем, циркулирующих в «большом обществе», понятных всем и каждому, и доказать применимость этих теорий для изучения формирования стигмы и проблемы внутри небольшого сообщества, такого, как определенная профессиональная группа. Имеющиеся в литературе наработки мало помогают в этом. Так, практически единичны попытки использовать теорию стигмы при описании юридической профессии: это всегда анализ дискриминационных практик по отношению к носителям всем известных стигм, например, в отношении женщин и представителей секс-меньшинств при найме в юридическую фирму [Adam, 1981]. В равной мере редки исследования, сфокусированные на том,

как конструируются «специфические профессиональные» проблемы в соответствующих профессиональных сообществах. Обычно исследователи сосредотачиваются на том, как профессиональные группы участвуют в конструировании общезначимых социальных проблем, каковы типы знаний и ресурсы, которые профессионалы и их сообщества привносят в этот процесс.

Исследования представлений о внутренних проблемах и их влиянии на практики внутри сообществ достаточно редки. Наверное, самый известный пример подходящего исследования такого рода — это изучение проблемы домашнего насилия над женщинами [Loseke, 1992]. Д. Лосеке изучала, как работники приюта для женщин, пострадавших от семейного насилия, категоризируют женщин, и в соответствии с этими категориями признают реальность насилия. Однако даже здесь это исследование проблематизации «клиентов» профессиональных групп, а не самих профессионалов. В настоящий момент мне не знакомы исследования, посвященные конструированию специфических профессиональных проблем в профессиональной среде. Между тем, по меткому утверждению Т. Осборна, исследовавшего проблему конструирования авторитета, в том числе и профессионального, последний зиждется на незыблемости этических норм и необходимости их следованию: «анализ профессиональной власти должен обратить внимание на различные способы, посредством которых профессионалы конструируют этические стилизации в качестве выражения и инструмента своей власти» [Osborne, 1998, p. 228]. Возможно, данная статья о том, как происходит стигматизация нежелательного поведения и конструирование профессиональных проблем, положит начало подобным исследованиям юридической профессии в России.

Таким образом, в данной статье я понимаю под стигмой «карманный адвокат» специфический публичный тип негативного маркирования отдельных членов российской адвокатуры на основе несоответствия их поведения декларируемым нормам и ценностям и в целях указания на их моральное несовершенство. Эта стигма контекстуализируется в границах профессионального сообщества и не распространяется на все российское общество. Статья оставит за скобками анализа другие типы стигмы, обозначенные выше, и в целом будет сконцентрирована на том, какие версии стигмы «карманного адвоката» производятся в публичном пространстве российской адвокатуры. Сама по себе стигма «карманный адвокат» — это маркер, ярлык, который имеет негативный оттенок и связан с определенного рода отклоняющимся от этических принципов поведением. Однако стигма, взятая сама по себе, не есть проблема. Она может стать таковой, будучи основой для конструирования проблемы усилиями различных акторов. В результате стигма «кар-

манного адвоката» порождает проблему карманного адвоката: это риторическая деятельность отдельных членов сообщества, направленная на описание условий функционирования стигмы как проблемных, а также выдвижение сценариев преодоления этих условий (claim-making).

Методы и источники данных

Были использованы два основных источника данных.

Первый — это публикации и тексты на публичных площадках, используемые адвокатами и другими юристами для продвижения своей позиции и обсуждения проблем.

1. «Новая адвокатская газета», имеющая общероссийский статус.
2. Выступления адвокатов на научных и общественных мероприятиях.
3. Публично доступные стенограммы конференций и съездов адвокатов.
4. Профессиональные блоги на Интернет-площадке Федеральной палаты адвокатов.

В анализе использовались публикации за 2007-2016-е годы. Поиск материалов осуществлялся по ключевым словам, обозначающим стигму, — «карманный» и «дублер»[1].

Второй основной источник данных — интервью с действующими адвокатами и другими юристами, которые проведены Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (54 интервью). Этот источник позволил показать, как стигма «карманный адвокат» имплементируется в представлениях о границах сообщества среди обычных его членов: кого считают «карманным адвокатом» в профессиональной среде, в каких контекстах стигма возникает в межличностном общении адвокатов, а не на страницах профессиональной печати. Кроме того, в ходе интервью получены сведения о ситуациях, которые могли бы быть отнесены к нарушениям профессиональной независимости адвоката или адвокатуры в целом, однако не производят стигму. Также дополнительно в целях методической триангуляции были привлечены и другие материалы, например, дневники наблюдения в судах[2], а также результаты массового опроса адвокатов[3].

---

1 Поиск по другим указанным выше названиям не дал содержательного результата, так как частотность текстов значительно ниже.

2 Автор выражает благодарность Юлии Рабовски (Шестерниной), проведшей наблюдение в одном из судов Санкт-Петербурга весной и летом 2014 года.

3 Массовый анкетный опрос проведен Институтом проблем правоприменения при ЕУ СПб и Центром анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ

Рождение стигмы «карманный адвокат» из духа самозащиты сообщества

Среди всего перечня юридических профессий в России адвокатура воспринимается, наверное, как самая противоречивая. С одной стороны, на протяжении постсоветского времени адвокаты символически соотносят себя с этосом профессии, сформулированным выдающимися юристами XIX — начала XX века. С другой стороны, советский опыт государственной адвокатуры закрепил за сообществом и негативный имидж сервильной группы, участвующей в расследовании уголовных дел по указке государственных органов и зачастую на стороне обвинения. Деятельность правозащитно-ориентированных адвокатов в советский и постсоветский периоды не сломила этот негативный образ. Более того, в юридических кругах адвокатура ассоциируется прежде всего с уголовным процессом. Это связано с тем, что именно в этой сфере судебного представительства за членами адвокатского сообщества закреплена монополия — в качестве защитников в расследовании уголовных дел принимают участие только юристы со статусом адвоката[1]. В остальных сферах судебного представительства адвокаты конкурируют с представителями организованного (оформленного в юридические фирмы) и неорганизованного (одиночками, действующими в интересах клиента по доверенности) юридического бизнеса, участники которого могут не иметь не только адвокатского статуса, но и даже юридического образования[2]. Исследования представителей адвокатского сообщества показали, что далеко не все практикующие адвокаты специализируются на уголовном процессе. По данным массового опроса, лишь у 39% адвокатов в их общей нагрузке более 60% дел составляют уголовные дела. У 31% адвокатов более 60% дел оказываются гражданскими, и еще 30% в равной мере работают как с уголовными, так и с гражданскими делами [Казун, Ходжаева, Яковлев, 2015, с. 23-25].

осенью 2014 года в 35 регионах России при содействии Федеральной палаты адвокатов и Института адвокатуры МГЮА. В исследовании приняли участие 3317 действующих адвокатов, что составляет 4,7% от всей генеральной совокупности (подробнее о результатах и методике исследования см. [Казун, Ходжаева, Яковлев, 2015]).

1 Исключение составляют назначаемые лишь на уровне мировых судов общественные защитники, что не является массовой практикой.

2 Это разительно отличает режимы доступа к судебному представительству в других юрисдикциях. В большинстве стран мира этот доступ обеспечивается через членство в одной или нескольких ассоциациях юристов, которые контролируют профессиональные фильтры и соблюдение юристом стандартов работы.

Доля тех, кто ведет только уголовные дела (100% нагрузки), совершенно незначительна и составляет 6,6% от всех опрошенных. Более того, опрос показал, что уголовная специализация часто вынужденная. Она больше проявляется в практике тех адвокатов, кто ведет работу в небольших городах и сельской местности (56%), или среди новичков, которые только нарабатывают свою клиентскую базу, или среди людей со стажем более 20 лет (по 45%) [Там же].

Таким образом, установленная в российском праве монополия адвокатуры лишь в уголовном процессе приводит к закреплению за профессиональным сообществом имиджа защитников исключительно в уголовных делах. И как будет показано ниже, стигма адвоката, зависимого от стороны обвинения и суда, в результате распространяется на все сообщество (как стигма «за компанию») вне зависимости от того, имеет адвокат практику в уголовных делах или нет. Однако опросные данные показывают, что это далеко не так: адвокатов, ведущих практику исключительно в сфере уголовного закона, не больше 7%. При этом уголовная специализация имеет вынужденный характер.

С 2010 года Федеральная палата адвокатов России вместе с Министерством юстиции РФ настаивает на введении единых правил судебного представительства в России и доказывает, что адвокатура должна и способна обеспечить профессиональный фильтр для такого доступа в соответствии с единой профессиональной этикой и стандартами. Это тема является сегодня достаточно острой сферой символической борьбы между заинтересованными сторонами. Однако, чем активнее усилия адвокатского сообщества в продвижении идеи монополии во всех сферах, а не только в системе уголовной юстиции, тем агрессивнее и острее ведется полемика и интенсивнее формируется негативный имидж адвокатуры в публичном поле. Кооперативное и безвольное участие адвокатов в расследовании уголовных дел подчас на стороне обвинения используется противниками адвокатской монополии в гражданских делах и делах об административных правонарушениях как аргумент в пользу того, что адвокатское сообщество недостойно монополии: «Достаточно сомнительный плюс — утверждение о повышении качества юридических услуг из-за «профессионального фильтра». Довод этот совершенно голословен. Как можно говорить, что юрист X, в течение десяти лет активно представляющий граждан, оспаривающих действия чиновников, хуже адвоката Y, который, кроме участия в процессе в качестве назначенного государством защитника, ничего не умеет?» [Глухов, 2015].

В этих условиях лидеры адвокатского сообщества на общенациональном уровне и на локальных публичных площадках вынуждены оправдываться за все сообщество. Поскольку в публичное поле,

в том числе и благодаря публикациям представителей адвокатской корпорации, просачиваются факты реальных сговоров между адвокатами и стороной обвинения, адвокатскому сообществу приходится признавать эти факты. Хорошим способом смыть пятно с репутации является конструирование и постоянная актуализация стигмы «карманного адвоката». Обычно все выступления на эту тему начинаются с риторической фигуры — «безусловно, в адвокатуре есть недостойные люди, но мы решаем эту проблему».

Таким образом, стигма «карманный адвокат» в публичной борьбе за влияние является хорошим риторическим приемом, чтобы обелить сообщество в целом, негативно маркировав лишь только его часть. Выделение отдельной виртуальной личности «карманный адвокат» и символическое наделение ее изъяном, сопровождаемое обвинением в предательстве интересов и норм профессионального сообщества, позволяет преодолеть общий негативный образ сообщества в профессиональной среде:

«Так называемые „карманные“ адвокаты — предатели профессии, которые работают не в интересах защиты, а в интересах органа, проводящего предварительное расследование. От таких адвокатов, безусловно, необходимо избавляться и действовать в отношении них самыми жесткими методами» [Чаренц, 2014].

Далее мы покажем, что индивидуальная стигма не имеет референта в реальности и в результате трансформируется в стигму групповую, обретает конкретные атрибуты, связанные с обезличенным и обобщенным опытом.

«Карманный» — адвокат, которого нет

Сложно представить, что в российской практике существует член адвокатского сообщества, который называл бы самого себя «карманным адвокатом». Например, в одном из наблюдений в залах суда Санкт-Петербурга моя коллега Юлия Шестернина наблюдала работу адвоката, который по внешним признакам поведения в суде вполне мог быть назван «карманным». Он свободно входил в залы судебных заседаний на правах «своего», мог оставить в зале свои вещи, поддерживал дружеское общение с судьей и работниками аппарата, оказывал им мелкую помощь. Даже его внешний вид был далек от рекомендуемого: легкие льняные брюки и рубашка вместо костюма, мокасины вместо туфель. Общение с клиентами и поведение в ходе процесса показывали, что иногда он был даже не совсем знаком с делом.

«Заходит N (адвокат в мокасинах): «А у меня, говорят, какие-то дела у вас есть». Он спокойно прохаживается по залу суда.

Судья Н.: «К-ов (фамилия подсудимого — прим. автора) что ли и еще кто-то».

Клиент N не является, он выходит из зала, рассказывает помощнице судьи, как пьет «винчик» у себя на даче по вечерам.

<.... >

Заходит N.

Судья Н.: Где ваш К-ов?

N: Нету. (через долгую паузу) А-ва (фамилия другого подсудимого, дело которого разбирали ранее — прим. автора) за что?

Судья Н.: За то, что он пришел в суд в алкогольном опьянении. А К-ов, наверно, боится, что его посадят.

N: А что он совершил?

Судья Н.: Кучу «кражонок». У ростелекома. Кабели какие-то.

N: Да его небось с одним поймали и остальные довесили. У него хоть одна (судимость — прим. авт.) есть?

Выясняется, что К-ов телеграмму получил, но в суд не явился»

(из дневника наблюдения Ю. Шестерниной, СПб., районный суд, май 2014 г.)

Интервью с этим адвокатом показало, что производимые им дискурс и взгляд на практику уголовного преследования практически ничем не отличались от общеколлегиального. Он так же, как и многие другие, жаловался на обвинительный уклон (и на нарушения со стороны судей и следователей), на невозможность правовыми методами добиться желаемого для подзащитного результата.

«*Ну, к сожалению, процессуальные ошибки, которые есть, да. <...> ну, по моему мнению, допустим, если что-то сделано с нарушением сроков, вот нарушение сроков, допустим. Не успели предъявить обвинение в течение там десяти суток. Человек подлежит безусловному освобождению. <...> Сняты все обвинения должны быть, по моему глубокому убеждению. Но, к сожалению, наши суды говорят, что не фундаментальные там какие-то нарушения, не повлекшие чего-то. <...> Я вообще не понимаю, что такое фундаментальные нарушения. Ну, доходит уже до абсурда, понимаете. <...> Есть судья... В *** районе у меня было дело, когда предъявили обвинение в отсутствие адвоката человеку. И требовали из следственного изолятора документы, на входе и выходе у следователя и адвоката они не совпадали. Ну и, к сожалению, судья написала, что мой подзащитный дает такие показания с целью дискредитации работы следственных органов. Да, да. И я обжаловал это и в городской суд, и председателю, и в надзорную инстанцию, и Верховный суд сказал, что все хорошо*». (адвокат, муж., СПб., 10 лет работы в следствии МВД, 2014 г.).

Описывая тактику своей работы, этот адвокат подчеркивал, что старается каждый раз найти подход к судьям, учитывать их пожелания, то, что мы назвали тактика мимикрии, демонстрации адекватности и кооперативности [Ходжаева, Шестерина, 2015].

«*Ну... я понимаю, что... хм, об адвокатах ходят какие-то нелестные отзывы. Но это нормальные люди в большинстве своем. За редким исключением... Которые, как могут, так и защищают людей. Ну... позиция в зависимости от судей... (Вздыхает). Ну, вы понимаете, я пользуюсь тем, что я умею. Тем, что я знаю, тем, что я могу. Могу как-то по-разному воздействовать на судей*» (адвокат, муж., СПб., 10 лет работы в следствии МВД, 2014 г.).

Другой наш собеседник (коллега этого адвоката) рассказал, что однажды тот, кого в ходе наблюдения мы подозревали в карманном статусе, чуть не довел дело до суда в отношении следователя, подделавшего его подпись.

«*И нам* (адвокатам — *прим. интервьюера*) *иногда поступают предложения подписывать, например, не глядя. N* (называет фамилию — *прим. авт.*), *я знаю, никогда так не делает. У него один раз чуть даже до возбуждения уголовного дела не дошло, когда его подпись сфальсифицировали на следствии*» (адвокат, муж., СПб., координатор распределений дел по назначению).

Таким образом, кооперативность и стремление угодить судье — не всегда признак карманной позиции по делу. Более того, порой это осознанная тактика. Приведу другой пример из интервью с опытной и активной адвокатессой из Санкт-Петербурга, одновременно работающей в одном из вузов города и читающей студентам уголовное право. Ни у нее самой, ни у ее коллег никогда не возникает мысли о том, что ее можно наделить маркером «карманный адвокат». Однако и в ее работе есть много пространства для кооперативности и действий в угоду судьям или следователям.

«*Бывают случаи, когда судьи, я живу в *** районе, и у меня было два или три случая вот за последний год, когда судья лично меня просила вступить в процесс, потому что очень сложный клиент, ему предоставили адвоката по 51-й статье, ему не нравится его работа, он от всех отказывается. И вот судья мне там звонит и говорит: Ну, *** (имя интервьюируемой — прим. авт.), ну, Вы же все-таки кандидат наук, ну, Вы же можете умно вот так заболтать там. Вы только ему свою визитку дадите, он с Вами будет там работать, и т. д. И действительно, Вы знаете, влияет. <...> У нас судьи, они очень как бы, с одной стороны, понимаете, обвинительный уклон никто, конечно, не отменил. Но, с другой стороны, судьи сто раз подстраховываются, перестраховываются, чтобы не отменили приговор. Если подсудимый несколько раз заявляет судье о том, что адвокат к нему в изолятор не ходит, адвокат с ним не работает <...>. Если он заявляет, что я не хочу такого адвоката, судьи, чтобы приговор устоял, чтобы апелляционная инстанция не усмотрела в этом нарушения права на защиту, они стараются предоставить такого адвоката, который вот его устроит. Бывает, что по два-три адвоката меняют. <...> То есть, я как бы стою в графике дежурств, если надо, там я ночью иногда выезжаю. Либо когда*

вот, ну, прям, следователи у меня в Следственном комитете тоже иногда просят, когда вот такие проблемные клиенты» (адвокат, жен., СПб, преподаватель вуза, канд. юр. наук, 2014).

Я привела здесь всего лишь два примера того, как адвокаты в реальной практике оказываются в ситуации кооперативности и «угождают» стороне обвинения и судьям. Многочисленные интервью показывают, что в таком положении оказывался каждый из наших информантов-адвокатов. В связи с этим мы предложили не использовать имеющееся в повседневном языке сообщества клише «карманный адвокат», а выделять два идеальных типа ролей в работе по уголовному делу, в которых в зависимости от обстоятельств оказывается каждый адвокат, работающий по уголовному делу, — системная и несистемная роль (см. подробнее [Ходжаева, Шестернина, 2015, с. 141-142]).

Когда же речь идет об использовании ярлыка «карманный адвокат» в отношении тех, кто преимущественно склонен к исполнению системной роли, с очевидностью мы имеем дело с конструируемой негативной стигмой, служащей для обозначения специфического рода кооперативности. Не каждое сотрудничество простого адвоката или лидеров адвокатского сообщества с другими участниками уголовного преследования, даже в институционально слабой позиции, номинируется указанным выше способом. Например, по данным полевых исследований ИПП в одном из регионов России руководство адвокатской палаты достигло договоренности с председателем областного суда в том, что представлять интересы подзащитного в порядке ст. 51 УПК РФ (т. е. по назначению суда) в апелляционной инстанции должны будут адвокаты, работающие в определенных адвокатских образованиях столицы региона, а не те адвокаты, которые до того вели дела этих подсудимых в районном суде. Это выгодно обеим сторонам. Суд получает круг адвокатов, чья работа более предсказуема, а кроме того, экономит средства на транспортные расходы адвоката — автора апелляционной жалобы, если он или она живет в другом городе. Адвокатам избранной коллегии эта договоренность также выгодна, так как заседание в областном суде оплачивается по двойному тарифу (минимум 1200 руб.). При этом участие в таких делах воспринимается ими как несложная, хотя и не всегда приятная нагрузка, так как дежурство длится неделю.

«Это мы дежурим... эээ... по неделе — это Областной суд, в апелляции. Вот это, да, это вот моим адвокатам, они эту неделю заняты. Там и оплата побольше, и она как бы быстро идет. То есть ты пришел — изучил — провел. Единственное, что ни мне не нравится, ни моим адвокатам: там работа — это не работа адвоката. Вот, извините меня, — это попугай. <...>. (адвокат, жен., глава филиала коллегии, 2015 г.).

В этом регионе был даже случай дисциплинарного производства по представлению Председателя областного суда, закончившийся выговором в отношении адвоката из другого города, не только написавшего апелляционную жалобу, но осмелившегося войти в процесс в нарушение установленного между Палатой и Председателем облсуда порядка. И, хотя сложившееся положение дел выглядит как кооперативность лидеров адвокатского сообщества по отношению к областному суду, оно воспринимается как нормальное и никоим образом не связывается со стигмой «карманности».

Из этого можно заключить, что исследуемая стигма соотносится с действиями отдельных адвокатов на индивидуальном уровне их участия в уголовных делах и не распространяется на уровень всего сообщества в целом. Призванная перенести вину со всей корпорации на отдельных «нерадивых» членов, стигма работает как маркер индивидуальной вины и морального несовершенства.

Важно, что конкретные адресаты стигмы остаются анонимными и неназванными. Даже в конкретных случаях дисциплинарного производства в отношении адвокатов к ним редко или практически никогда не применяется этот эпитет. О таких случаях адвокатская печать высказывается обезличенно: чаще всего фигуранты дисциплинарных производств указываются лишь инициалами[1] или называются обобщенно и мягко: «адвокаты-нарушители», «непрофессиональные коллеги». Возможно, это связано с тем, что задача стигмы «не пригвоздить к позорному столбу» конкретных людей, а отвести удар от всего сообщества. Именно поэтому для обозначения факторов или причин появления карманных адвокатов используются обезличенные атрибуты, трансформирующие индивидуальную стигму в групповую.

«Карманные адвокаты» как групповая стигма

Как мы показали выше, публичная стигма, работающая для обозначения коллективной идентичности, предполагает бо́льшую значимость обобщенных атрибутов, поскольку здесь механизм стереотипизации задействован максимально. Такая стигма нацелена не на атрибуцию конкретных индивидуальных особенностей, а прежде всего вовлекает в процесс негативного маркирования ши-

1 См., например, обличительную статью о случае непрофессиональной работы адвокатов в Красноярском крае, где все «карманные адвокаты» были указаны по первой букве фамилии [Семеляк, 2009]. Такой же прием сокрытия имени был использован в другой публикации об уже завершенном и устоявшем в суде дисциплинарном производстве в отношении адвоката в республике Коми [Самари, 2011].

рокий круг разделяемых в сообществе представлений о не-должном и не-правильном, использует широкий арсенал представлений об опасности и серьезной угрозе или ущербе, который терпят стигматизируемые. В исследуемом дискурсе эмпирически прослеживаются три логики аргументации, и соответствующие им три версии стигмы «карманного адвоката». При этом эти аргументации могут использоваться по отдельности или же в различных комбинациях друг с другом.

1. Работа в уголовном деле по назначению (на основании ст. 50-51 УПК РФ) является первым и наиболее частым атрибутом групповой стигмы. Право на защитника при уголовном преследовании гарантируется в нашей стране Конституцией. При отсутствии у подозреваемого/обвиняемого/подсудимого средств на оплату услуг адвоката государство гарантирует, что адвокат будет предоставлен ему бесплатно. В конкретных российских условиях это означает приглашение судьей или следователем адвоката к участию в уголовном деле. Оплата работы, которая гарантируется государством, начисляется по представлению судьи или следователя и не является высокой — в настоящее время от 550 до 2400 руб. в день (за одно действие) в зависимости от сложности дела. По подсчетам одной из региональных палат, примерно 3/4 от общего числа дней участия оплачивается по минимальной ставке (550 руб.), а 1/4 — по повышенным ставкам (до 1000 руб.). Самые высокие ставки оплаты — большая редкость [Ходжаева, 2015]. Более того, на местах отмечаются задержки с выплатами и задолженности. Однако для определенных групп адвокатов (новички в профессии или адвокаты, работающие в небольших населенных пунктах) государственное обеспечение участия в уголовных делах воспринимается как один из важных способов получения дохода и опыта. Это также понимают и лидеры адвокатского сообщества.

«Заработки адвокатов в массе своей не то что не высоки, а ничтожны. И особенно в регионах. В крупных городах адвокаты еще могут пробить себе гражданские дела, помогать бизнесу. Но в регионах никакого бизнеса нет. Там до 90% уголовных дел проводятся по назначению. Они не оплачиваются подзащитными, денег нет у людей. Вот ситуация. Региональная адвокатура, в сущности, живет только на оплату по назначению» [Резник, Иванова, 2016].

Институциональная зависимость дохода адвоката от того, будут ли приглашать его в дело «по назначению», создает определенные условия для развития взаимовыгодных отношений между адвокатом и следователем или адвокатом и судьей. Однако стигма «карманный адвокат» переносит фокус внимания с организационных условий возникновения системной роли адвоката на личность конкретного защитника и наделяет последнюю негативными моральные

ными качествами: недобросовестностью, склонностью к предательству интересов доверителя, стремлением к наживе, пассивностью, ленью[1]. Карманный адвокат в такой версии стигмы — это адвокат «на дежурстве»; тот, кто пассивно «отбывает номер»; тот, кто «бесплатный и хуже прокурора» [Бутовченко, Гусельникова, 2009].

«Это касается в первую очередь адвокатов, «прикормившихся» в следственных отделах, сотрудники которых произвольно назначают «удобных» защитников либо попросту ожидают дня их дежурства. Роль таких защитников сводится к проставлению подписей в протоколах следственных действий. Они не ведут надлежащего адвокатского производства по уголовным делам, не пишут никаких ходатайств, не ставят вопрос о переквалификации действий своих подзащитных на более мягкие статьи УК РФ и, разумеется, не обжалуют незаконные действия следователей в суд» [Мазитов, 2013];

«Но очевидно, что зачастую «карманные адвокаты», хотя формально и присутствуют при выполнении следственных действий и в судебном заседании, фактически уклоняются от исполнения своих обязанностей. Например, «карманные адвокаты» не посещают своего доверителя в следственном изоляторе, не обсуждают с ним позицию по уголовному делу, не заявляют необходимых ходатайств, подрывают позицию доверителя при выступлении в прениях, не обжалуют в кассационном порядке судебные решения и т. п.» [Багрянский, Овчинников, 2007].

В интервью адвокаты рассказывали, что иногда отказываются участвовать в дежурстве, чтобы не получить этого клейма.

«В: А Вы работаете или, может быть, в начале, чтобы клиентскую базу набрать и как-то опыта, по уголовным делам по назначению <...>?

О: Не, я с этим не связываюсь, потому что, ну, зачем это нужно? Там, быть «карманным» каким-то адвокатом.

В: Почему «карманным»? Все по назначению «карманные» разве?

О: Ну как, я, может, не очень корректно выразился. Но Вы ж понимаете, что это сложно. Ну, зачем это нужно? Не думаю, что это нужно, вообще. Если этим заниматься, то этим надо заниматься добросовестно, тем более по уголовным делам. Однозначно мое мнение, вот, если вы идете в суд, даже <...> по 51-й по уголовной, вы должны ознакомиться с делом, вы должны какие-то ходатайства, если есть основания, заявить. А у нас как зачастую происходит — то есть я наблюдал, да: просто человека вызывают — он просто, там, полистал это дело: «Все, позиция готова у меня» по уголовному делу. А решается судьба человека, допустим» (адвокат, муж., Ростов-на-Дону, адв. кабинет).

1 За исключением редких недавних публикаций — см. [Никонов, 2016; Фурлет, 2015].

Или цитата из интервью с молодым адвокатом.

«О: Нет, по назначению я не работаю.

В1: Не работаете?

О: Да. Я долго оценивал для себя перспективы браться мне за 51-ую или не браться. Вот, но я все-таки пришел к выводу, что мне в этом необходимости нету.

В1: Почему?

О: Ну, дело в том, дела у нас и так есть. Вот, а 51-ую, все-таки знаете, как я уже выше отмечал, что у нас достаточно рисковая профессия, и 51-ая фактически «кот в мешке»» (адвокат, муж., СПб., опыт работы меньше одного года).

Низкая оплата работы по назначению часто указывается основной причиной слабой мотивации адвоката, работающего по «государственному контакту» по сравнению с теми членами корпорации, кто осуществляет защиту по соглашению за счет клиента.

«К примеру, по уголовному делу адвокат обязан провести со своим подзащитным беседу наедине. По платным делам с этим особых проблем не возникает, но по делам по назначению эту неписаную обязанность адвокаты сплошь и рядом нарушают. Особенно часто это происходит при апелляционном рассмотрении дел с применением видеоконференц-связи, когда осужденные впервые видят дежурных адвокатов на экране монитора.

На мое напоминание о необходимости согласования позиции по делу с доверителем один из дежурных адвокатов ответил, что у него нет времени стоять в очереди в следственный изолятор, тем более что за посещение подзащитного бухгалтерия суда ничего не платит» [Мазитов, 2013].

Низкий уровень оплаты работы по назначению, однако, не всегда называется единственной и самой главной причиной. Стигма «карманного адвоката» символически разделяет сообщество на активных и честных, готовых работать «по совести» даже за небольшие деньги, и на тех, кто в погоне за большим объемом дел угождает стороне обвинения.

«Попытки адвокатов отстаивать свои законные интересы в таких случаях заканчиваются «опалой» со стороны следователей, которые начинают самостоятельно привлекать к участию в судопроизводстве по назначению тех, кто соглашается работать на их условиях <...> Зачастую органы предварительного следствия и суда игнорируют эти списки (дежурных адвокатов — *прим. авт.*) и приглашают защитников, не включенных в них. По мнению Владимира Мельникова, такая практика может быть объяснена в частности тем, что приглашаемые являются «карманными» адвокатами»» [Мельников, Горбунова 2011].

2. Вторым важным атрибутом групповой стигмы является опыт работы на стороне обвинения, чаще всего следователем, прокурором, но иногда и просто полицейским. В результате здесь конструируется иная версия стигмы «карманный адвокат» — этот тот, кто сам был на стороне обвинения. Отметим, что, согласно нашему опросу, со студенческой скамьи в адвокатуру пришел лишь каждый пятый адвокат. Почти 31% имели опыт работы в полиции, в следствии или в прокуратуре [Казун, Ходжаева, Яковлев, 2015, с. 21]. Данная версия стигмы работает против значительной части сообщества и в основном базируется на представлении о том, что сложно переломить общую обвинительную парадигму, складывающуюся у тех, кто расследовал уголовные дела и раскрывал преступления, а после перехода в адвокатуру сохранил контакты и в угоду интересам бывших коллег готов предать интересы подзащитного и нормы профессии.

«У нас сейчас борются с карманными адвокатами. Это те, что без погон, но в душе у них погоны лежат. Это очень плохо» (адвокат, муж., СПб., координатор распределений дел по назначению, 2014 г.).

При этом нередко встречается отказ распространять эту стигму на всех «бывших»:

«Есть люди, которые стремятся использовать свою предыдущую работу для получения клиентуры, их иногда называют карманными адвокатами. Ведь если тебе посылают клиента, значит, ты тоже должен идти навстречу, закрывать на что-то глаза. А есть бывшие сотрудники правоохранительных органов, которые становятся звездами в адвокатуре.

— Получается, что все зависит в конечном счете от порядочности конкретного человека?

— Да. А для того чтобы отсеивать непорядочных и непрофессиональных, существует дисциплинарный орган» [Денисова, 2015].

При этом в качестве склонных к «карманности» часто указываются недостойные юристы; те, кто не смогли работать в даже государственных органах, так как не смогли доказать профпригодность и там. Эта версия стигмы часто сочетается с предыдущей (карманный адвокат — тот, кто работает по назначению): предыдущий профессиональный опыт в органах следствия символически легитимирует готовность адвоката работать в интересах приглашающей его в дело стороны обвинения. Однако встречается и отдельный вариант стигмы, не связанный с опытом государственным защитника. Считается, что опыт работы следователем облегчает коррупционные связи и делает возможным «решение вопроса» с официальным оформлением соглашения.

«Здесь надо просто еще смотреть, какой адвокат. Обычно это «лузеры», которые изначально где-то на следствии проштрафились серьезно, и их,

в общем, турнули оттуда. Они ничего не могут больше, ну, то есть они работают, я бы сказал, по такой вот <...> Вот ты спрашивала: «Кто по 51-й работает?». Бывшие «следаки». То есть он не удержался, он знает всех в этом отделе, он может, там, какие-то вопросы решить по-дружески. И его знают, что он как бы из своих. Он договаривается, участвует во всяких схемах таких вот. <...> «карманный» адвокат, он начинает убеждать клиента: «Сознайся <...> Я тебе сделаю минимум, но ты заплати, там, конкретно». А в эту сумму еще доля для «следака» включается. <...> это все проводится по кассе адвокатского образования. То есть ему платят вот такой вот гонорар, он часть денег снимает и дает следователю. Почему? У него пенсионные отчисления, он с этого, кстати, там, налоги платит. Но он потом пенсию будет получать вот такую. И он в этом заинтересован» (адвокат, муж., Москва, 2015 г.).

В результате этот атрибут стигмы «карманности» ломает убеждение, что причина проблемы в недостаточном финансировании оплаты работы по назначению. «Сговорчивые» со следователями адвокаты обозначаются как алчные, стремящиеся к наживе. Нередко адвокаты публично говорят, что работа по назначению бывает хорошо оплачиваемой для морально неустойчивого адвоката.

«Особенно грешили злоупотреблениями бывшие работники правоохранительных органов, которые, перейдя из системы карательной в систему защиты, адвокатами на самом деле не стали и искаженно понимали свое назначение в судопроизводстве. Некоторые из них, тесно сотрудничающие с конкретными следователями и не заинтересованные в установлении истины по делу, за имитацию защиты стали получать вполне солидную плату за счет средств судебного департамента, МВД и прокуратуры — по 100-150 тыс. руб. в месяц. В такую сумму складывались деньги, перечисляемые за их «услуги», приблизительно 400 судодней в месяц. Совершенно очевидно, что адвокат не в состоянии провести такое количество дел» [Бутовченко, Гусельникова, 2009].

3. И, наконец, третий атрибут групповой стигмы «карманного адвоката» — это его низкий уровень профессионализма и некачественное юридическое образование. Эти качества практически не используется отдельно. Обычно при стигматизации они упоминаются в комплексе проблем, обозначенных в первых двух версиях стигмы. Выше я показала, что обе эти версии атрибутируют ее носителей как тех, у кого невысокий уровень профессионализма. Адвокат по назначению, «отбывающий номер», представляется таковым, поскольку он не может ничего противопоставить стороне обвинения в том числе и потому, что не всегда обладает необходимыми знаниями и навыками. Часто бывшие сотрудники правоохранительных органов, сотрудничающие со следователями, объявляются непрофессиональными и недостаточно компетентными

даже для работы «в органах». Нередко одной из причин низкого качества работы адвокатов «по назначению» или «бывших следователей» называется их невысокий уровень образования.

«И причины возникновения такой ситуации в Санкт-Петербурге были приблизительно такими же, как и в других регионах. Прежде всего это изменение качественного состава самой адвокатуры, общее снижение профессионального и этического уровня «среднего адвоката», проявление того, что с недавнего времени стали называть «правовым нигилизмом», но что на практике существовало давно. В состав адвокатуры было принято большое число прокурорских работников, следователей, а подчас и оперативных работников, имевших юридическое образование лишь формально. Появилось огромное число всяческих учебных заведений, выпускавших не юристов, а людей с дипломом о юридическом образовании. Как-то мне даже довелось увидеть диплом, выданный юридическим факультетом Санкт-Петербургского филиала (!) Архангельского института инженеров водного транспорта!» [Савич, 2009].

Нужно сказать, что это, так же, как и предыдущая версия стигмы, затрагивает значительную часть сообщества — 39% адвокатов, согласно нашему опросу, получили юридическое образование заочно, 13% — в непрофильных вузах. В результате, все они могут подпасть под стигму карманного адвоката, основанную на представлении о низком профессионализме и невысоком качестве образования.

Таким образом, формально индивидуальная стигма «карманный адвокат», которая обозначает моральное несовершенство юриста, вопреки этическим правилам входящего в сговор со стороной обвинения в уголовном деле и преследующего прежде всего интересы следователей и судей, а не подзащитного. В ходе дискурсивной работы эта стигма трансформируется из индивидуальной в три версии групповой стигмы, связанные с более общими стереотипами. В табл. 1 представлены основные атрибуты каждой версии групповой стигмы и условия, которые дискурсивно объявляются обеспечивающими возможность существования «карманных адвокатов».

Таблица 1. Индивидуальная и групповая стигмы «карманный адвокат»

		Коллективная стигма «карманный адвокат»		
	Индивидуальная стигма «карманный адвокат»	Версия 1 Адвокат, работающий «по назначению»	Версия 2. Бывший сотрудник правоохранительных органов	Версия 3. Низкий профессиональный уровень адвокатов. Эта версия всегда сопровождает первые две
Атрибут	Кооперативность со стороной обвинения в ущерб интересам подзащитного	Пассивное участие в уголовном деле в качестве государственного защитника по назначению (с. 50-51 УПК РФ)	Наличие общих интересов с бывшими коллегами, в том числе и коррупционных	Недостаточная профессиональная подготовка адвоката, низкий уровень знаний и отсутствие навыков
Носители стигмы	Анонимные, не названные адвокаты	Те, кто работает по назначению (все или некоторые)	Все, кто имеет опыт работы в правоохранительных органах	Люди с заочным юридическим образованием и /или с дипломами непрофильных вузов, филиалов.
Факторы, создающие условия для стигматизируемого поведения	1. Интересы стороны обвинения 2. Продажность, предательство, лень, моральное несовершенство конкретных адвокатов	1. Невысокая оплата труда государственного защитника 2. Нежелание в равной мере ответственно работать и по назначению и по соглашению 3. Асимметрия ресурсов — у стороны обвинения право приглашать адвоката в дело и помещать неугодного адвоката в черный список	1. Вход в адвокатуру нечистоплотным юристам 2. Коррупционные интересы сторон	1. Существующие условия для получения диплома юриста, без соответствующего образования 2. Недостаточность входного фильтра профессии

Проблема «карманных адвокатов» и предложения по борьбе с нею

Согласно обозначенному подходу, проблематизируются далеко не все из сформулированных условий (в случае исследуемого кейса — стигмы «карманный адвокат»), создающих возможности для стигматизируемого поведения. Далее мы покажем, какие проблемы провоцирует стигма «карманный адвокат», как происходит

их фреймирование, и, наконец, кто является основными агентами проблем и как предлагаемые решения «работают» на установление власти в сообществе.

В предыдущей части статьи было установлено, что индивидуальная стигма трансформируется в три версии коллективной стигмы, и для каждого варианта в дискурсе обнаруживаются разнообразные факторы стигматизируемого поведения. При этом индивидуальная стигма не приводит к широкой проблематизации — профессиональная печать и блоги констатируют, что некоторые, остающиеся чаще всего не названными представители адвокатуры действуют вопреки установленным этическим нормам. В результате постулируетvся, что адвокатуре необходимо самоочищение. Однако практики и методы этого самоочищения никак не проблематизируются. Напротив, публикации в печати стремятся доказать, что имеющиеся в распоряжении адвокатского сообщества методы дисциплинарного производства достаточны и эффективны. В публикациях мы находим много примеров из дисциплинарной практики региональных палат, когда подробно рассказывается о сути допущенных адвокатами проступков и реакции квалификационных коллегий на жалобы. Наиболее известный широкой публике пример — это реакция Палаты адвокатов г. Москвы на работу адвоката по назначению в деле Светланы Давыдовой, обвиненной в шпионаже. В результате актуализация индивидуальной стигмы работает, как ни странно, на депроблематизацию, когда демонстрируются широкие возможности борьбы с такими проявлениями.

Однако названные выше версии коллективной стигмы «карманного адвоката», в отличие от стигмы индивидуальной, вызывают значительно больше дебатов и проблематизирующей активности в сообществе. При этом, как я покажу далее, из этого процесса практически полностью исключается второй вариант коллективной стигмы — связанной с представлением о том, что «карманные адвокаты» чаще встречаются среди бывших работников правоохранительных органов.

Итак, какие же условия обозначаются как порождающие проблему «карманного адвоката»?

Первое и самое очевидное условие, обозначаемое адвокатским сообществом практически постоянно, — это проблематизация на всех доступных публичных площадках размера оплаты работы адвоката по назначению. «Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем», — так образно оценил ситуацию Ю. С. Пилипенко, Президент ФПА на совещании в Совете по правам человека при Президенте РФ[1]. Это очевидное решение проблемы «карманного

1 http://president-sovet.ru/events/special/read/20/

адвоката» зиждется на расчетах, предоставляемых региональными палатами в ФПА [Самков, 2007], — адвокаты в регионах получают оплату в большинстве случаев по минимальной ставке, часто с задержками. Лидеры ФПА используют любые информационные поводы для актуализации и фреймирования своего требования установить адекватные расценки оплаты. Так, например, новый повод для проблематизации данного решения предоставил суд города Москвы, который нанял казачьи общины для охраны помещений судов в ночное время, исходя из расценок более 200 руб. в час. Адвокатское сообщество подхватило эту новость в контексте минимальной оплаты работы адвоката по назначению — в 550 руб. за судодень, что составляет менее трех часов ночного дежурства казака в суде. По расчетам ФПА, адвокат по назначению получает меньше, чем все остальные участники судебного разбирательства — даже ставка переводчика выше — 700-1500 руб. Весной 2016 г. Совет ФПА направил в Правительство РФ обращение, в котором указал на непропорционально низкие ставки оплаты адвокатов и потребовал повысить ставку до 3000 руб. [Совет ФПА.., 2016]. Особенность этого направления проблематизации карманного адвоката состоит в том, что это борьба не внутри сообщества, а с внешними стейкхолдерами. В течение рассматриваемого периода мы не встретили ни одного критического высказывания, вызванного тем, что уровень оплаты работы назначенным государством защитников достаточен. Можно сделать вывод, что никто из представителей адвокатского сообщества не против повышения ставок оплаты работы защитника в делах по назначению и адресат проблемы занимает внешний статус по отношению к профессиональному сообществу.

Второе направление проблематизации «карманного адвоката» также связано с версией коллективной стигмы о работе назначенного государством адвоката. Однако, поскольку здесь актуализируется внутренний порядок организации на местах распределения дел «по назначению», эта проблема оказывается значительно более конкурентной, чем проблема низких ставок. За последние 10 лет были последовательно предложены и апробированы разные решения, за каждым из которых стоят усилия определенных групп сообщества по продвижению своих лучших практик и, как следствие, интересов. Рассмотрим развитие проблемы.

Необходимость распределения дел по назначению так, чтобы противостоять устремлениям стороны обвинения и судей приглашать в дела только угодных адвокатов, осмысливается в профессиональной среде давно. С самого начального этапа оформления адвокатуры (с 2002 г.) эта задача практически повсеместно была переложена на лидеров наиболее крупных адвокатских образований. Региональные палаты не посчитали нужным усиливать собствен-

ный контроль именно за распределением дела, оставив за собой право дисциплинарного контроля по жалобам граждан или представлениям государственных органов.

«С учетом «исторических реалий» совет палаты своим решением распределил между адвокатскими образованиями, действующими на территории Нижегородской области, зоны ответственности, т. е. определил, какое адвокатское образование в каких районах области должно выполнять заявки закрепленных за ним органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Палата адвокатов Нижегородской области не пошла по пути составления графика дежурств, единого для всех адвокатов региона, желающих участвовать в работе по назначению. Мы сочли такую схему громоздкой, требующей дополнительных затрат со стороны адвокатской палаты» [Рогачев, 2008].

Однако такое положение дел в середине 2000-х активно критиковалось руководством некоторых палат. С 2007 года наиболее передовым решением проблемы «карманного адвоката» воспринималась практика распределения дел на основе составленных региональными палатами списков дежурств. Инициатором выступила Адвокатская палата г. Санкт-Петербурга [Савич, 2007]. Смысл нового регулирования состоял в том, чтобы на уровне каждого административного района по желанию самих адвокатов представителями палаты составлялись списки адвокатов, участвующих в работе «по назначению». На каждую дату назначалось определенное количество дежурных из этих списков. Эти списки передавались следователям и судьям, чтобы они могли вызывать только тех адвокатов, которые были поставлены в дежурство на соответствующую дату. Важным принципом включения в список была географическая привязка: адвокат, зарегистрированный на территории определенного района, не мог просить включить себя в список другого района. За исполнением этих решений следили координаторы от адвокатской палаты: именно они должны были улаживать возможные проблемы. В некоторых регионах наблюдалась более централизованная практика составления списков, когда в каждом крупном городе она осуществлялась одним человеком.

«Хочу заметить, что для оптимизации взаимодействия органов адвокатского самоуправления с адвокатами и адвокатскими образованиями мы разделили территорию палаты на четыре округа — Владимирский, Муромский, Ковровский и Александровский, в каждом из которых находится представитель Совета палаты. Они, согласно упомянутому Положению, осуществляют учет адвокатских образований и подразделений, расположенных на территории округа, а также работающих в них адвокатов, составляют ежемесячный график участия адвокатов в защите по назначению и оказанию бесплатной юридической помощи и контролируют его исполнение.

График поступает не только во все адвокатские образования, представители Совета направляют его также в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. При такой системе постоянная связка «следователь — адвокат» или «судья — адвокат» практически невозможна» [Денисов, 2010].

Такая схема контроля за распределением дел распространилась практически повсеместно и долгое время считалась относительно действенной. Согласно нашим интервью, среди адвокатов еще в 2014 г. находились те, кто считал такую систему контроля хорошей и способной решить проблему «карманного адвоката».

«Мы гоняем адвокатов, которые у нас работают по 51-й статье за государственный счет <...> Палата с этим очень активно борется, создана вот система дежурных, то есть хочешь участвовать по 51-й, оставляй заявку, тебе позвонят там раз в месяц, раз в неделю, так, как карта ляжет <...> Проблема состоит в другом. Проблема состоит в том, что, когда ввели координаторов в систему оказания помощи по 51-й, она фактически встала. То есть следователи начали гневные петиции писать, что адвокатов нет, никто не ходит. Но, понимаете, одно дело я, будучи «карманным» адвокатом, прихожу к следователю, за один день закрываю пять-шесть судодней, минимум два судодня по одному делу, и по другим я кидаю ордера, я не видел никогда своих клиентов в глаза, да и они меня опознать не смогут. Еще мы со следователем, там, пьем, едим, там, и так далее <...> Теперь он звонит, ему раз в месяц отзваниваются, ему надо приехать туда-то, провести следственное действие. Да, он весь такой из себя независимый, но, сейчас подняли, да, в последнее время ставка адвоката была 270 рублей за судодень. Ну, дорога не оплачивается (смеется). То есть вот, приезжай, отбудь этот судодень, получи за один судодень, прояви свою принципиальность и уезжай обратно. Никто из адвокатов, сразу перестали подавать заявки на участие 51-й, потому что это стало вообще нерентабельно. <...> Поэтому адвокаты перестали обращаться к координаторам за привлечением 51-й. Вот, втихаря вызывать пытаются там. Ну вот, палата их за это ловит, наказывает» (адвокат, муж., СПб., 2014 г.).

Однако большинство находят сегодня эту схему уязвимой. Во-первых, никто не мешает следователям и судьям подстроить рабочий график так, чтобы назначить сложное дело на дату дежурства максимально кооперативного адвоката. Во-вторых, адвокаты, склонные к системной роли, получали возможность попасть в дело вопреки системе распределения дел координатором. В-третьих, по словам адвокатов, у судей и у следователей функционировали так называемые черные списки, когда неугодный адвокат, даже если он стоял в дежурстве, не получал вызова. И наконец, в-четвертых, региональные палаты получают мало возможностей контроля над адвокатом, если следователи активно привлекают адвокатов из других юрисдикций.

«Я знаю в своей практике это. И я, честно говоря, тоже могу сказать, что есть дежурства, когда меня не вызывают. А я как бы и не знаю, проводятся там следственные действия или нет. <...> некоторые адвокаты могут просто звонить следователю, который дежурит. Узнавать <...> может быть, таким образом как-то попадают» (адвокат, жен., СПб., 2013 г.).

«В Центральном районе города я в черном списке адвокатов уже по назначению, и никуда не вызывают — ни в дознание, ни в следствие» (адвокат, муж., СПб., 2013 г.).

«А вот эти «карманные», о которых Вы говорили — они откуда приходят в профессию?

О: Вы знаете, вот, были они наши. Из нашей палаты. Потом Юрий Васильевич Денисов провел такую тотальную проверку, тотальную — выявил, кто ходит вне графика. Потому что это достаточно легко делать: ордерская книжка — все видно — когда, вот, график, был ты в графике, не был ты в графике, вот, все. Были наказаны — лишены статуса, то есть как бы максимально — все притихло. Но в настоящий момент, вот, у нас беда по назначению в уголовном процессе. Это, вот, те адвокаты, которые были наши, а теперь перешли в Московскую палату, но работают с местом во Владимире. Запретить не можем — закон не запрещает» (адвокат, жен., Владимир, руководитель филиала коллегии, 2015 г.).

«И мы постепенно начали внедрять новый порядок назначения адвокатов, который с его графиками дежурств и единым центром назначения адвокатов стал вызывать недовольство и раздражение в судебно-следственных органах, неприятие среди части адвокатов, считавших, что их профессиональная самостоятельность ограничивается.

«Карманные адвокаты» приспосабливались к новому порядку, всячески пытаясь его обойти. Придумывали разное. Следователи ждали дня, когда дежурил «свой» адвокат. Адвокат приглашался следователем как бы для заключения соглашения, но потом его назначали, так как обвиняемый не платежеспособен и т. д.» [Садохин, 2014].

Другой вариант решения проблемы «карманного адвоката» был предложен примерно в те же годы (2009-2013 гг.) Палатой адвокатов Самарской области. Здесь, по нидерландской модели был создан на основе палаты независимый центр, в режиме реального времени автоматизированно распределявший дела между теми адвокатами, которые заявились в график дежурства на эту дату [Бутовченко, 2015]. Кроме того, это решение предлагало более жесткую позицию палаты по контролю над работой адвокатов в делах по назначению — палата получала возможность в инициативном порядке затребовать адвокатские досье, если были хоть малейшие подозрения в нечистоплотности. После 2013 г. все больше рядовых адвокатов и лидеров органов адвокатского самоуправления стали задумываться над имплементацией этого подхода. Например, та-

кие центры начинают создаваться в Перми, Ставрополе и других крупных городах. В 2015 г. на Всероссийском Съезде адвокатов это решение было интерпретировано как наиболее передовое, была создана группа по его воплощению на местах и реализовано в некоторых регионах, например, в Калининградской области.

«После создания центра в нашей палате больше нет адвокатов, которые дежурили бы возле отделов полиции и подписывали любые процессуальные документы в угоду следователю. А таких было немало среди тех, кто только недавно покинул ряды сотрудников правоохранительных органов и получил статус адвоката» [Созвариев, 2015].

Таким образом, в результате дискурсивной борьбы в настоящий момент «победило» решение проблемы «карманного адвоката», предложенное Адвокатской палатой Самарской области. Важно, что предлагаемые автоматизированные системы учета и приглашения адвокатов в дело решают не только (и, как показывают критики, не столько) проблему «карманного адвоката».

В первую очередь достигается равенство всех адвокатов, заявившихся в дежурство, в доступе к делам по назначению. Тем самым предложенное решение обеспечивает еще и другие задачи — например, гарантирует всем адвокатам равный доступ пусть и не к слишком значительным, но обеспечиваемым государством средствам. «Принципиальные адвокаты не сидят без работы, ведь ее им выдает компьютерная программа. Перераспределились финансовые потоки, поскольку теперь работу по назначению получают те защитники, которые раньше ее не имели. Большинство адвокатов довольны новыми формами работы» [Компьютер не обманешь, 2016].

Во вторую очередь — усиливается контроль над работой рядовых адвокатов со стороны палаты и назначенных ею координаторов. «Мы уже предупредили тех адвокатов, которые могут захотеть работать «по старинке», без электронной системы, а просто по звонку следователя: если будут установлены такие факты (а это нарушение прав на защиту гражданина) — адвоката будут исключать из реестра тех, кто работает по назначению» [Там же].

Однако и это решение встречает критику. Некоторые представители адвокатского сообщества настаивают, что до тех пор пока представление на оплату труда адвоката выписывает следователь или судья, институциональная зависимость защитника по назначению сохранится и никакие системы автоматизированного учета проблему карманного адвоката не решат. Поэтому на протяжении последних лет не утихают и законодательные инициативы, предлагающие передать право оплаты самому адвокатскому сообществу [Фурлет, 2015] или Министерству юстиции.

«К тому же пора прекратить распылять деньги, выделяемые из федерального бюджета на оплату труда адвокатов, по различным

ведомствам. В каждом из них свои требования по составлению необходимой документации, которые постоянно меняются, причем иногда создается впечатление, что это делается лишь для того, чтобы «отшить» адвокатов с их просьбами об оплате труда. Все полномочия в этой сфере следует передать одному ведомству — Министерству юстиции РФ в лице его территориальных государственных юридических бюро, приняв федеральный акт об оплате труда адвокатов по участию в делах по назначению и предусмотрев в нем все спорные моменты, некоторые из которых разрешались даже на уровне Верховного Суда РФ» [Мазитов, 2013].

Позиция самой ФПА относительно выдвигаемой критики нечеткая. С одной стороны, артикулируются требования изменения системы входа адвоката в дело; так, недавно ФПА предложила «не совмещать полномочия правоохранительных и судебных органов по назначению адвоката в уголовном судопроизводстве с полномочиями этих же органов по оплате труда адвоката. Право адвоката на вознаграждение не должно зависеть от усмотрения органов, назначивших его для оказания квалифицированной юридической помощи гражданам в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [Совет ФПА.., 2016].

С другой стороны, Федеральной палатой адвокатов не предлагаются конкретные меры, чтобы изменить ситуацию. Ни сама ФПА, ни большинство локальных палат не проявляют готовности взять на себя распределение финансовых средств для оплаты работы «назначенных адвокатов» и чаще всего дискурсивно оказывают поддержку текущим, но, как показывают критики, не работающим подходам по организации на локальном уровне независимого отбора адвокатов в дело.

При этом налицо «юридикализация» [Титаев, 2014] решения проблемы и перевод ее из плоскости организационно-управленческой в нормативную. Так, на призыв адвокатов решить проблему адвокатов-дублеров (назначаемых судьями и следователями вопреки наличию у подзащитного соглашения с другим адвокатом), ФПА отвечает, что проблема уже решена, поскольку выработан и принят советом ФПА соответствующий нормативный документ:

«На федеральном уровне принято решение Совета ФПА РФ от 29 сентября 2013 г. «О двойной защите»[1], где сформулированы рекомендации относительно поведения адвокатов в случаях, когда наряду с адвокатами, осуществляющими защиту по соглашению с доверителями, вопреки воле последних судами дополнительно назначаются защитники в качестве дублеров (защитники-дублеры).

1 http://www.fparf.ru/documents/council_documents/council_resolutions/1842/? print=Y

В нем указано, что «адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем. Отказ подсудимого от защитника-дублера в данной ситуации является обоснованным и исключающим вступление адвоката в дело в качестве защитника по назначению».

«Выполнение содержащихся в данном документе и во всех других решениях Совета ФПА РФ правил является обязательным для адвокатов и органов адвокатских палат» [Защитники-дублеры, 2015].

Вопросы о том, как эти и другие решения ФПА исполняются на местах и исполняются ли, в подобном «юридическом» решении проблемы не ставятся. Юридикализация предполагает, что наличие соответствующего нормативного документа и есть решение проблемы.

И наконец, третье направление развития проблемы «карманных адвокатов» — восполнение пробелов недостаточного юридического образования и невысокого профессионального уровня массового представителя адвокатуры. Оно артикулируется в контексте инициатив ФПА и региональных палат по обязательному введению и посещению адвокатами курсов повышения квалификации. Несмотря на то что дебаты о введении курсов повышения квалификации ведутся давно и очень предметно, именно при обосновании решения проблемы «карманных адвокатов» здесь обнаруживаются наиболее общие риторические приемы.

«До недавнего времени системная работа по повышению квалификации адвокатов в АП РМ (Адвокатской Палате Республики Мордовия — *прим. авт.*) фактически не велась, у нас адвокаты обучались лишь самостоятельно. Сам являюсь практикующим адвокатом, и не единожды в судах мне, честно говоря, становилось стыдно, когда я слушал, как выступают некоторые адвокаты, как они защищают людей — столь низким был уровень их подготовки. Среди так называемых карманных адвокатов, работающих преимущественно в делах по назначению, многие также не желают заниматься повышением квалификации — у них, видимо, других, более важных проблем хватает. Поэтому, когда в сентябре 2013 г. я стал президентом АП РМ, работу по повышению квалификации сразу определил в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности на этом посту» [Амелин, 2015].

Таким образом, в адвокатском сообществе ведутся широкие дебаты на тему того, как избавиться от «карманных адвокатов». Между региональными лидерами адвокатского самоуправления установилась конкуренция за разработку наиболее эффективного решения.

Очевидно, что не все версии стигмы «карманного адвоката» порождают соответствующую проблему. Наибольшей проблематизации заслужила первая версия коллективной стигмы, связанная с участием адвокатов в делах по назначению. В таких случаях стигма «карманный адвокат» работает на установление внутриколлегиальной иерархии, является оправданием для освоения бюджетов и способствует повышению статуса органов адвокатского самоуправления, претендующих на эффективные решения проблемы. Незначительно проблематизируется и третья версия стигмы, относящаяся к «карманным адвокатам» с невысоким профессиональным и образовательным уровнем. Вторая версия коллективной стигмы карманного адвоката (бывшие правоохранители) не находит проблематизации в текущем профессиональном дискурсе (табл. 2).

Проблема «карманного адвоката», как и любая другая, имеет своих лоббистов. При этом профессиональное сообщество оказывается разделенным на тех, кто лишь только постулирует проблему и требует от других групп ее решения, и тех, кто является адресатом требований и символически наделяется правом и обязанностью проблему решить.

Так, например, в декабре 2015 г. группа независимых правозащитно-ориентированных юристов и адвокатов направила публичное обращение к ФПА с требованием решить проблему «адвокатов-дублеров». Это обращение не только фиксировало конкретные случаи нарушения прав подзащитных и адвокатов со стороны судов и следователей, оно также четко обозначало основной адресат в решении проблемы «карманного адвоката» — Федеральную палату адвокатов России. Тем самым воспроизводится иерархия и утверждаются властные полномочия этой организации, которая формально на тот момент не имела прямого влияния не только на действия конкретных адвокатов (ФПА лишена права на дисциплинарное производство), но и на региональные палаты. Принятые ФПА документы чаще всего носили рекомендательный характер[1], а сама ФПА выполняла роль «зонтичной» организации. Если какие-то решения и принимались как обязательные к исполнению, ФПА практически не имела рычагов контроля за их имплементацией. Реальная власть в организации работы адвокатов на местах и контроль над ними принадлежит региональным палатам: именно здесь обеспечивается работа квалификационных комиссий, осуществляющих первичный фильтр профессии (прием в адвокатуру посредством экзамена)

1 Принятые лишь в июне 2016 г. поправки в 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» несколько изменили круг полномочий ФПА.

и организуются дисциплинарные производства; именно они на местах могут отслеживать жалобы и реагировать на них.

Таблица 2. Соответствие стигмы и проблемы карманного адвоката.

Стигма и соответствующие ей условия	Проблема и решения
Индивидуальная стигма 1. Интересы стороны обвинения. 2. Продажность, предательство, лень, моральное несовершенство конкретных адвокатов.	Не проблематизируется. Решение не предлагается. Неоспариваемое решение дисциплинарной практики в палатах.
Коллективная стигма — версия 1. «Карманный адвокат» — это адвокат, работающий по назначению. 1. Невысокая оплата труда государственного защитника. 2. Нежелание в равной мере ответственно работать и по назначению, и по соглашению. 3. Асимметрия ресурсов — у стороны обвинения право приглашать адвоката в дело и помещать неугодного адвоката в «черный список».	Очень активно проблематизируется 1. Активное обсуждение проблемы невысоких расценок оплаты, фреймирование через новости и статистику палат. Внутри сообщества нет полемики. Адресат проблемы — внешние стейкхолдеры. 2. Решение не предлагается. 3. Широкие и многолетние дебаты о необходимости регулирования системы распределения дел по назначению со стороны палат. Конкуренция предлагаемых решений.
Коллективная стигма — версия 2. «Карманный адвокат» — это бывший сотрудник правоохранительных органов. 1. Вход в адвокатуру нечистоплотным юристам. 2. Коррупционные интересы сторон.	Не проблематизируется. 1. Решение не предлагается. 2. Решение не предлагается.
Коллективная стигма, версия 3. «Карманный адвокат» — непрофессионал. 1. Существующие условия для получения диплома юриста, без соответствующего образования. 2. Недостаточность входного фильтра профессии.	Проблематизируется слабо. 1. Усиление значимости курсов повышения квалификации. 2. Решение не предлагается.

Таким образом, правила функционирования и принятия решений в сообществе входили в противоречие с тем, кто объявлялся основным актором, который должен решить проблему. Именно поэтому все, что могла ответить ФПА на обращение юристов и правозащитников, — это указать на то, что все рамочные документы по решению проблемы «карманных адвокатов» ею подготовлены и руководство региональных палат о них уведомлено. Однако определенные шаги по усилению позиции ФПА как органа, способного принимать решения, в том числе в и сфере дисциплинарной практики, были сделаны: в июне 2016 г. были приняты изменения[1] в ФЗ-63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», в котором такие права закрепляются и за ФПА, а также четко обозначается, что ее решения обязательны для лидеров региональных палат. Это важный шаг по установлению иерархии в органах адвокатского самоуправления на федеральном уровне.

Заключение

Публичная стигма «карманный адвокат» означает в профессиональной юридической среде зависимую и угодническую по отношению к суду и стороне обвинения позицию защитника в уголовном деле. Несмотря на то что Кодекс профессиональной этики прямо запрещает адвокату негативно комментировать деятельность своих коллег, рассказы о «карманных адвокатах» встречаются повсеместно как в публичных выступлениях представителей сообщества, так и при личном общении с адвокатами. Кроме того, эта негативная стигма в рамках широкой профессиональной дискуссии символически переносится на все адвокатское сообщество: в среде юристов широко закреплено представление об адвокатах как о слабых и непрофессиональных участниках, зависимых от судей и стороны обвинения. Это представление накладывает отпечаток на все «племя» — и в результате стигма «карманности» дает возможность отстранить этот изъян, выделить его и соотнести с определенными негативными качествами адвокатов на индивидуальном уровне: продажность, сговорчивость, лень, отсутствие моральных ориентиров, невысокий профессионализм, алчность и жажда наживы. Однако выделение отдельной виртуальной идентичности, которая вбирает в себя все негативные качества — «ви-

1 Федеральный закон от 02.06.2016 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

новная личность», неудобная личность, личность с изъяном, — сопровождается одновременным отказом указать конкретных виновных. Они остаются анонимными, поскольку, как показывают интервью, номинировать пришлось бы почти каждого члена сообщества: в ситуации как минимум вынужденной кооперативности в условиях обвинительного уклона может оказаться любой адвокат.

В результате названная стигма имеет значение для внутрикорпоративного властного дискурса, так как она «работает» на символическое разделение сообщества на «профессионалов» и «непрофессионалов», позволяет выстраивать границы между различными частями сообщества. Стигма «карманный адвокат», которая формально является индивидуальной, приобретает черты групповой, коллегиальной, когда негативно в качестве «карманных» начинают публично обсуждаться не конкретные адвокаты, а определенные профессиональные категории или носители общих практик. Атрибутами стигмы «карманности» как групповой категории в тех или иных комбинациях служат:

- практика участия в деле государственным защитником, по назначению следователем или судьей (ст. 50-51 УПК РФ);
- предшествующий адвокатуре опыт работы в следственных органах или прокуратуре;
- недостаточный профессиональный уровень, связанный с некачественным юридическим образованием.

Публичные версии стигмы «карманного адвоката» проблематизируются в разной степени. Основное внимание при конструировании проблемы «карманного адвоката» адвокатское сообщество концентрирует на двух условиях, формирующих представление о «карманном адвокате» как назначенном государством: 1) низкие ставки на оплату; 2) система распределения дел судьями и следователями, предпочитающими выбирать наиболее удобных адвокатов. Для преодоления первого условия выбирается и всеми адвокатами поддерживается сценарий увеличения ставок. Для минимизации роли судей и следователей при выборе государственного защитника предлагаются различные конкурирующие решения, направленные на создание систем распределения дел силами адвокатских палат. В результате стигма «работает» на усиление иерархии и укрепление властного неравенства в сообществе.

Библиография

Защитники-дублеры. Заявление пресс-службы ФПА. (2015) (http://fparf.ru/news/all_news/news/17016)

Совет ФПА обратился в правительство РФ. Новость ФПА. (2016) (http://www.fparf.ru/news/all_news/news/20787)

Амелин А. (2015) Нет предела совершенству. *Новая адвокатская газета,* 1 (186).

Багрянский Ф., Овчинников М. (2007) Новый взгляд на старую проблему. *Новая адвокатская газета*, 11 (14).

Бочаров Т., Волков В., Дмитриева А., Титаев К., Четверикова И., Шклярук М. (2016) *Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию.* СПб.: ИПП ЕУ СПб.

Бутовченко Т. (2015) *Бесплатный адвокат хуже прокурора*. Блог на сайте ФПА. (http://www.fparf.ru/news/all_news/blogs/butovchenko/besplatnyy-advokat-khuzhe-prokurora).

Бутовченко Т., Гусельникова Т. (2009) Бесплатный адвокат хуже прокурора. *Новая адвокатская газета*, 3 (44).

Глухов А. (2015) *Адвокатская монополия: плюсы и минусы.* Интернет-ресурс «Открытая Россия». (https: //openrussia.org/post/view/11111)

Денисов Ю. В. (2010) По решению адвокатского суда. *Новая адвокатская газета,* 11 (76) (http://www.advgazeta.ru/arch/76/475)

Денисова А. Н. (2015) Авторитет и репутация. *Новая адвокатская газета,* 4 (189). (http://www.advgazeta.ru/arch/189/1529)

Казун А. П., Ходжаева Е. А., Яковлев А. А. (2015) *Адвокатское сообщество России. Аналитический обзор.* СПб.: ИПП ЕУ СПб.

Кодекс профессиональной этики адвоката (http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059)

Компьютер на обманешь (2016). *Новая адвокатская газета,* 14 (223) (http://www.advgazeta.ru/arch/223/1948)

Мазитов Р. (2013) Стандарты юридической практики: реалии и перспективы. *Новая адвокатская газета*, 18 (155) (http://www.advgazeta.ru/arch/155/1164)

Мельников В., Горбунова Е. (2011) Бескорыстие добровольное и принудительное. *Новая адвокатская газета,* 2 (101) (http://www.advgazeta.ru/arch/101/657)

Моисеева Е. Н. (2014) Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга, *Журнал социологии и социальной антропологии*, (4): 86-100.

Моисеева Е. Н. (2015) Микрополитика суда. *Социология власти,* 27 (2): 243-252.

Никонов М. (2016) *Создать условия.* Профессиональный блог. (http://www.advgazeta.ru/blog/posts/265)

Резник Г. М., Иванова А. (2016) Чиновники считают, что адвокаты — это пособники преступников. *Новые известия.* (http://www.newizv.ru/lenta/2016-06-30/241888-vice-prezident-mezhdunarodnogo-sojuza-advokatov-genri-reznik. html)

Рогачев Н. (2008) Самое страшное — профессиональное предательство. *Новая адвокатская газета,* 23 (40). (http://www.advgazeta.ru/arch/40/210)

Савич А. (2009) Петербургское решение проблемы «карманных адвокатов». *Новая адвокатская газета,* 2 (43) (http://www.advgazeta.ru/arch/43/229)

Садохин В. (2014) Искореняя «карманных адвокатов». *Новая адвокатская газета*, 20 (181) (http://www.advgazeta.ru/rubrics/8/1443)

Самари М. (2011) Суд не поддержал «карманного» адвоката. *Новая адвокатская газета*, 15 (104) http://www.advgazeta.ru/rubrics/8/678

Семеляк И. (2009) Купленная совесть. *Новая адвокатская газета*, 5 (46).

Созвариев А. (2015) Защитить доверителя. *Авторский блог на сайте Новой адвокатской газеты* (http://www.fparf.ru/news/all_news/blogs/ASozvariev/zashchitit-doveritelya)

Титаев К. (2014) Экспансия юридической профессии: юридикализация бюрократического языка в России. Постановочное эссе. *Обратная связь: книга для чтения. Сборник статей и эссе к 60-летию Михаила Романского.* Д. Димке, К. Титаев, С. Шмидт (ред.). СПб.; Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования: 269-276.

Федеральный закон от 02.06.2016 №160-ФЗ. О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Фурлет С. (2015) Гарантии независимости адвокатов. *Новая адвокатская газета*, 16 (201) (http://www.advgazeta.ru/arch/201/1670)

Ходжаева (2015) Кто должен платить бесплатному адвокату. *Ведомости,* 3813 (https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/16/kto-dolzhen-platit-besplatnomu-advokatu)

Ходжаева Е. А., Шестернина Ю. В. (2015) Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России. *Социология власти*, 27 (2): 135-167.

Чаренц А. М. (2014) «*Карманные» адвокаты — предатели профессии*. Профессиональный блог (http://www.zakonia.ru/blog/256954)

Ясавеев, И. Г. (2004) *Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации,* Казань: Изд-во Казанск. ун-та.

Adam B. (1981) Stigma and employ ability: discrimination by sex and sexual orientation in the Ontario legal profession. *Canadian Review of Sociology,* 18 (2): 216-221.

Best J. (2015) Beyond Case Studies: Expanding the Constructionist Framework for Social Problems Research. *Qualitative Sociology Review,* 11 (2): 18-33.

Blumberg, A. S. (1967) The Practice of Law as Confidence Game: Organizational Cooptation of a Profession. *Law & Society Review*, (1): 15-40.

Blumer H. (1971) Social Problems as Collective Behavior. *Social Problems*, 18 (3): 298-306.

Bos A., Pryor J., Reeder G., Stutterheim S. (2013) Stigma: Advances in Theory and Research. *Basic and Applied Social Psychology,* 35: 1-9.

Crocker J., Major B. (1989) Social Stigma and Self-Esteem: The Self-Protective Properties of Stigma. *Psychological Review*, 96 (4): 608-630.

Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice,* Boston: Little, Brown.

Fuller R., Myers R. (1941) The Natural History of a Social Problem. *American Sociological Review*, 6 (3): 320-329.

Goffman E. (1963) *Stigma: notes on the management of the spoiled identity*, Englewood Cliffs, N. J. Prentice-Hall Inc.

Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology.*

Ibarra P., Adorjan M. (2016) Social Constructionism. *The Cambridge Handbook on Social Problems.* J. Trevino (ed.), Cambridge: Cambridge University Press.

Ibarra P., Kitsuse J. (2003) Claims-making discourse and vernacular resources. *Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems.* J. A. Holstein, G. Miller (eds). Hawthorne; N. Y.: Aldine de Gruyter.

Jones E., Farina A., Hastorf A., Markus H., Miller D., Scott R. (1984) *Social Stigma. The Psychology of Marked Relationships,* N. Y.: Freeman.

Kurzban R., Leary M. (2001) Evolutionary Origins of Stigmatizations: the Functions of Social Exclusion. *Psychological Bulletin*, 127 (2): 187-208.

Link B., Phelan J. (2001) Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*, 27: 363-385.

Opala J., Boillot F. (1996) Leprosy among the Limba: illness and healing in the context of world view. *Social Science & Medecine,* 82 (1): 3-19.

Osborne T. (1998) Constructionism, Authority and the Ethical Life. *The Politics of Constructionism*. V. Irving, W. Robin (eds): London, GB: SAGE Publications.

Parker R., Aggleton P. (2003) HIV and AIDS-related stigma and discrimination: a conceptual framework and implications for action. *Social Science & Medicine*, 57: 13-24.

Phelan J., Link B., Dovido J. (2008) Stigma or Prejudice: One Animal or Two? *Social Sicence and Medicine*, 67 (3): 358-367.

Pryor J. B., Reeder G. D. (2011). HIV-related stigma. J. *HIV/AIDS in the Post-HAART Era: manifestations, treatment, and Epidemiology.* C. Hall, B. J. Hall, C. J. Cockerell (eds).

Schneider J. (1985) Social Problems Theory: the Constructionist View. *Annual Review of Sociology,* 11: 209-229.

Uphoff R. J. (1992) Criminal Defense Lawyer: Zealous Advocate, Double Agent, or Beleaguered Dealer? *Criminal Law Bulletin*, 28 (5): 419-456.

References

Adam B. (1981) Stigma and employ ability: discrimination by sex and sexual orientation in the Ontario legal profession. *Canadian Review of Sociology,* 18 (2): 216-221.

Amelin A. (2015) Net predela sovershenstvu. [The Sky is the Limit]. *Novaia advokatskaia gazeta,* 1 (186).

Bagrianskii F., Ovchinnikov M. Novyi vzgliad na staruiu problem (2007) [New View to the Old Problem] *Novaia advokatskaia gazeta*, 11 (14).

Best J. (2015) Beyond Case Studies: Expanding the Constructionist Framework for Social Problems Research. *Qualitative Sociology Review,* 11 (2): 18-33.

Blumberg, A. S. (1967) The Practice of Law as Confidence Game: Organizational Cooptation of a Profession. *Law & Society Review*, (1): 15-40.

Blumer H. (1971) Social Problems as Collective Behavior. *Social Problems*, 18 (3): 298-306.

Bocharov T., Volkov V., Dmitrieva A., Titaev K., Chetverikova I., Shkliaruk M. (2016) *Diagnostika raboty sudebnoi sistemy v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva i predlozheniia po ee reformirovaniiu*. [Diagnostic of the Judicial Criminal System in Russia in Order to Reform] SPb.: IPP EU SPb.

Bos A., Pryor J., Reeder G., Stutterheim S. (2013) Stigma: Advances in Theory and Research. *Basic and Applied Social Psychology,* 35: 1-9.

Butovchenko T., Gusel'nikova T. (2009) Besplatnyi advokat khuzhe prokurora. [Free Defender More Badly than Prosecutor.] *Novaia advokatskaia gazeta*, 3 (44).

Butovchenko T. (2015) Besplatnyi advokat khuzhe prokurora. *Blog na saite FPA. [Free Defender More Badly than Prosecutor. Professional blog]* (http://www.fparf.ru/news/all_news/blogs/butovchenko/besplatnyy-advokat-khuzhe-prokurora)

Charents A. M. (2014) *«Karmannye» advokaty — predateli professii. Professional'nyi blog [«Puppet-Advocates» — the Traitors of Profession. Professional blog].* (http://www.zakonia.ru/blog/256954)

Crocker J., Major B. (1989) Social Stigma and Self-Esteem: The Self-Protective Properties of Stigma. *Psychological Review*, 96 (4): 608-630.

Denisov Iu. V. (2010) Po resheniiu advokatskogo suda, [According to the Bar's Court] *Novaia advokatskaia gazeta*, 11 (76) (http://www.advgazeta.ru/arch/76/475)

Denisova A. N. (2015) Avtoritet i reputatsiia, [Authority and Reputation]. *Novaia advokatskaia gazeta,* 4 (189). (http://www.advgazeta.ru/arch/189/1529)

Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice,* Boston: Little, Brown.

Federal'nyi zakon ot 02.06.2016 №160-FZ O vnesenii izmenenii v stat'i 5.39 i 13.14 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniiakh i Federal'nyi zakon «Ob advokatskoi deiatel'nosti i advokature v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law 02/06/2016 №160 FZ About the Changing Art. 5.39 and 13.14 of the Administrative Violation Code of the Russian Federation and Federal Law «About Licensed Lawyers Activity and the Bar in Russian Federation»]

Fuller R., Myers R. (1941) The Natural History of a Social Problem. *American Sociological Review*, 6 (3): 320-329.

Furlet S. (2015) Garantii nezavisimosti advokatov. [Guaranties of Licensed Lawyers' independence]. *Novaia advokatskaia gazeta,* 16 (201). (http://www.advgazeta.ru/arch/201/1670)

Glukhov A. (2015) *Advokatskaia monopoliia: pliusy i minusy. [Bar's Monopoly: Benefits and Drawbacks]* Internet-resurs «Otkrytaia Rossiia». (https: //openrussia.org/post/view/11111)

Goffman E. (1963) *Stigma: notes on the management of the spoiled identity*, Englewood Cliffs, N. J. Prentice-Hall Inc.

Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology.*

Iasaveev I. G. (2004) *Konstruirovanie sotsial'nykh problem sredstvami massovoi kommunikatsii. [Constructing of Social Problems through the Mass Media]*, Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta.

Ibarra P., Adorjan M. (2016) Social Constructionism. *The Cambridge Handbook on Social Problems.* J. Trevino (ed.), Cambridge: Cambridge University Press.

Ibarra P., Kitsuse J. (2003) Claims-making discourse and vernacular resources. *Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems.* J. A. Holstein, G. Miller (eds). Hawthorne, N. Y.: Aldine de Gruyter.

Jones E., Farina A., Hastorf A., Markus H., Miller D., Scott R. (1984) *Social Stigma. The Psychology of Marked Relationships,* N. Y.: Freeman.

Kazun A. P., Khodzhaeva E. A., Iakovlev A. A. (2015) *Advokatskoe soobshchestvo Rossii. Analiticheskii obzor. [Layers Community in Russia, Analytical Review].* Sankt-Peterburg: IPP EU SPb.

Khodzhaeva (2015) Kto dolzhen platit' besplatnomu advokatu. [Who Has to Pay for Public Defender?]. *Vedomosti,* 3813. (https: //www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/16/kto-dolzhen-platit-besplatnomu-advokatu)

Khodzhaeva E. A., Shesternina Iu. V. (2015) Strategii i taktiki advokatov v usloviiakh obvinitel'nogo uklona v Rossii [Strategies and Tactics of Criminal Defenders in the Context of Accusatorial Bias in Russia]. *Sotsiologiia vlasti,* 27 (2): 135-167.

Kodeks professional'noi etiki advokata [Professional Ethic Code of Licensed Lawyer] (http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059)

Komp'iuter na obmanesh' (2016). [Computer cannot be Deceived]. *Novaia advokatskaia gazeta*, 14 (223). (http://www.advgazeta.ru/arch/223/1948)

Kurzban R., Leary M. (2001) Evolutionary Origins of Stigmatizations: the Functions of Social Exclusion. *Psychological Bulletin*, 127 (2): 187-208.

Link B., Phelan J. (2001) Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*, 27: 363-385.

Mazitov R. (2013) Standarty iuridicheskoi praktiki: realii i perspektivy. [Standarts of Legal Practicy: Reality and Perspectives]. *Novaia advokatskaia gazeta,* 18 (155). (http://www.advgazeta.ru/arch/155/1164)

Mel'nikov V., Gorbunova E. (2011) Beskorystie dobrovol'noe i prinuditel'noe. [Voluntary and Involuntary Unselfishness] *Novaia advokatskaia gazeta*, 2 (101). (http://www.advgazeta.ru/arch/101/657)

Moiseeva E. N. (2014) Rabochie gruppy v sudakh Sankt-Peterburga, [Working Groups in Saint Petersburg Courts] *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, (4): 86-100.

Moiseeva E. N. (2015) Mikropolitika suda. [Micropolitics of the Court] *Sotsiologiia vlasti*, 27 (2): 243-252.

Nikonov M. (2016) *Sozdat' usloviia. [To create the Conditions.* Professional blog] (http://www.advgazeta.ru/blog/posts/265)

Opala J., Boillot F. (1996) Leprosy among the Limba: illness and healing in the context of world view. *Social Science & Medecine,* 82 (1): 3-19.

Osborne T. (1998) Constructionism, Authority and the Ethical Life. *The Politics of Constructionism*. V. Irving, W. Robin (eds): London, GB: SAGE Publications.

Parker R., Aggleton P. (2003) HIV and AIDS-related stigma and discrimination: a conceptual framework and implications for action. *Social Science & Medicine*, 57: 13-24.

Phelan J., Link B., Dovido J. (2008) Stigma or Prejudice: One Animal or Two? *Social Sicence and Medicine*, 67 (3): 358-367.

Pryor J. B., Reeder G. D. (2011). HIV-related stigma. J. *HIV/AIDS in the Post-HAART Era: manifestations, treatment, and Epidemiology.* C. Hall, B. J. Hall & C. J. Cockerell (eds).

Reznik G. M., Ivanova A. (2016) Chinovniki schitaiut, chto advokaty — eto posobniki prestupnikov [Bureaucrats Think Criminal Defenders are Criminals' Abetters]. *Novye izvestiia*. (http://www.newizv.ru/lenta/2016-06-30/241888-vice-prezident-mezhdunarodnogo-sojuza-advokatov-genri-reznik. html)

Rogachev N. (2008) Samoe strashnoe — professional'noe predatel'stvo. [Professional Treason is the Most Terrible Thing]. *Novaia advokatskaia gazeta*, 23 (40). (http://www.advgazeta.ru/arch/40/210)

Sadokhin V. (2014) Iskoreniaia «karmannykh advokatov». [Abolishing «Puppet-Advocates»]. *Novaia advokatskaia gazeta*, 20 (181). (http://www.advgazeta.ru/rubrics/8/1443)

Samari M. (2011) Sud ne podderzhal «karmannogo» advokata. [Court did not Support the «Puppet-Advocate»] *Novaia advokatskaia gazeta*, 15 (104). (http://www.advgazeta.ru/rubrics/8/678)

Savich A. (2009) Peterburgskoe reshenie problemy «karmannykh advokatov» [Saint Petersburg's Solution of the «Puppet Advocate's» Problem]. *Novaia advokatskaia gazeta*, 2 (43) (http://www.advgazeta.ru/arch/43/229)

Schneider J. (1985) Social Problems Theory: the Constructionist View. *Annual Review of Sociology,* 11: 209-229.

Semeliak I. (2009) Kuplennaia sovest'. [Vendible Sense of Conscience]. *Novaia advokatskaia gazeta*, 5 (46).

Sovet FPA obratilsia v pravitel'stvo RF. Novost' FPA. (2016) [The Counsel of the Federal Chamber of the Bar has Addressed to the Government of the Russian Federation] (http://www.fparf.ru/news/all_news/news/20787)

Sozvariev A. (2015) *Zashchitit' doveritelia. [To Defend the Client]* Avtorskii blog na saite Novoi advokatskoi gazety. (http://www.fparf.ru/news/all_news/blogs/ASozvariev/zashchitit-doveritelya)

Titaev K. (2014) Ekspansiia iuridicheskoi professii: iuridikalizatsiia biurokraticheskogo iazyka v Rossii. Postanovochnoe esse. *Obratnaia sviaz': kniga dlia chteniia. Sbornik statei i esse k 60-letiiu Mikhaila Rozhanskogo.* D. Dimke, K. Titaev, S. Shmidt (red.) [Expantion of Legal Profession: Juridicalization of the Bureaucratic Language in Russia. Overview in Feedback: the Textbook]. SPb.; Irkutsk: Norma, Tsentr nezavisimykh sotsial'nykh issledovanii i obrazovaniia: 269-276.

Uphoff R. J. (1992) Criminal Defense Lawyer: Zealous Advocate, Double Agent, or Beleaguered Dealer? *Criminal Law Bulletin*, 28 (5): 419-456.

Zashchitniki-dublery. Zaiavlenie press-sluzhby FPA. (2015) [Backup Defenders. Declaration of the Federal Chamber of the Bar] (http://fparf.ru/news/all_news/news/17016)

Рекомендация для цитирования/For citations:

Ходжаева Е. А. (2016) Стигма «карманный адвокат» в дискурсивной борьбе представителей юридической профессии в России. *Социология власти*, 28 (3): 137-182.

Khodzhaeva E. (2016) Stigma of the «Puppet Advocate» in Discursive Struggle between Legal Professionals in Russia. *Sociology of power*, 28 (3): 137-182.